

Андрей Борисович Троицкий
Операция «Людоед»
Серия «Шпион особого назначения», книга 2

OCR LeosLibrary
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123246

Аннотация

Майор Службы внешней разведки, спецагент Валерий Колчин неожиданно получает информацию о том, что профессиональные террористы готовят на территории России дикий по своей жестокости теракт, рядом с которым меркнут все прошлые преступления боевиков. Скоро ему становится известен главный исполнитель этой чудовищной акции, некий бывший офицер Российской армии, а ныне преступный авторитет по кличке Стерн. Руководство ФСБ понимает, что на карту поставлена жизнь десятков тысяч ни в чем не повинных людей, но времени на привлечение к операции регулярных частей уже нет. Сумеет ли группа контрразведчиков во главе с Колчиным предотвратить неслыханное злодеяние?..

Содержание

Часть первая: Наемник	4
Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Троицкий

Операция «Людоед»

Часть первая: Наемник

Глава первая

Пригород Махачкалы. 22 июля.

Далекая окраина тонула во мраке южной ночи. В этом трущобном районе, бессистемно застроенном хижинами из саманного кирпича, селились люди, потерявшие надежду на лучшее будущее. Здесь традиционно не любили всех без исключения представителей власти, не доверяли милиции и не питали уважения к людям в погонах. И наоборот, преступники, люди сомнительные, с темным прошлым, могли смело рассчитывать на покровительство и помощь местных жителей. Поэтому операцию по задержанию убийцы и террориста Темира Хапалаева по кличке Хапка и его подручных руководители городского ФСБ решили провести скрытно, ночью, когда народ спит. Тихо, без пальбы взять Хапку и его дружков тепленькими, в кроватях. Двенадцать лучших оперативников из управления ФСБ, принимавших участие в деле, выдвинулись на место в полночь. Два «жигуля» и микроавтобус оставили в низине, в укромном месте за стеной старого полуразрушенного склада. Разбились на две группы по шесть человек. Тропинками, петлявшими между домами, сараями и огородами, поднялись вверх, на пологий склон холма. Подлезли под забор, представлявший собой продольные не струганные жерди, укрепленные на столбах. Проползли под кустами с какими-то узкими покрытыми восковым налетом листьями. Посередине двора стоял саманный одноэтажный дом, покрашенный известью, крытый кусками ржавой жести и рубероидом. Справа темнели постройки сараев с плоскими крышами и пустого от скотины телятника. Собак здесь не держали. Залегли кругом, отрезав Хапалаеву пути к отступлению, стали ждать свистка, заместителя начальника городского управления ФСБ майора Булача Миратова, лично придумавшего остроумный фокус с ночным задержанием. Два окна, выходящие на огород, казались почти темными. В этот район свет не давали уже третьи сутки. Жильцы дома пользовались керосиновой лампой, на ночь занавешивали окна цветной плотной тканью, едва пропускавшей тусклый свет. Со стороны моря, доносились далекие голоса и музыка. Если встать в полный рост и посмотреть в ту сторону, можно увидеть, как вдоль берега, скользит по черной водяной глади пассажирский теплоход, расцвеченный голубыми и красными лампочками. Теплоход напоминал плавучую рождественскую елку. На палубе танцевали люди. Колчин, выбравший позицию метрах в тридцати от крыльца, лежал брюхом на земле, жестоко страдая от жары и жажды. Он думал, что хорошо бы снайперу забраться на крышу одного из сенных сараев, оттуда, сверху, можно контролировать все пространство перед домом, даже не пользуясь оптикой винтовки. Но сарай выглядели слишком ветхими, трухлявыми. Мужчина в полной экипировке с винтовкой Драгунова в руках, своей тяжестью запросто проломит кровлю, и тогда поднимется шум. Эффект неожиданности пропадет. И преступников, пожалуй, живыми уже не взять. Еще Колчин думал, что в группе захвата слишком мало людей: двенадцать бойцов, включая его самого, против четверых вооруженных бандитов и террористов, имеющих опыт боевых действий и готовых на все... Да, расклад так себе, не блестящий. Еще днем родилась мысль подключить к делу оперативников ФСБ из области или сотрудников городской милиции. Но этот вариант не выдержал критики. Здесь, вдалеке от Москвы, на Кавказе, порядки особые, специфические. То, что знает мили-

ция, почему-то часто узнают и бандиты. Поэтому и решили взять на задание самых надежных проверенных бойцов. Как говорить, не числом, а умением...

* * *

Сегодня Колчин попал прямо с корабля на бал. Утренним рейсом «Аэрофлота» прибыл из Москвы в Махачкалу, принял участие в совещании сотрудников местного ФСБ, которое провел заместитель начальника городского управления Булач Миратов, ознакомился с планом операции. В случае успешного задержания террориста Хапалаева, Колчину предстояло здесь же, на месте, провести его допрос. А затем в сопровождении дагестанских оперативников спецрейсом доставить Хапалаева в Москву, в Лефортовский следственный изолятор. И уж затем во время московских допросов... Впрочем, зачем далеко загадывать? Темира Хапалаева еще нужно взять.

Во второй половине дня Колчин успел получить камуфляжную форму, поужинать в закрытой столовой, где питались высокие чины из городской администрации, и даже вздремнул в душном гостиничном номере, окна которого выходили на аквариум пивного павильона и узкую речушку, почти пересохшую от жары. Речная вода цветом напоминала навозную жижу. Кондиционера в номере не было. Но после муторного перелета Колчин спал, как ребенок. Проснулся свежим и бодрым. К вечеру, размеренный жарой, он вновь почувствовал себя усталым и тяжелым на подъем. Облаченный в новый серый камуфляж, семи килограммовый бронежилет, поверх которого натянул разгрузочный жилет, плотно набитый боеприпасами, Колчин чувствовал себя неповоротливым старым носорогом. Он лежал, широко расставив ноги, раздвинув локти и вжавшись в землю. Песчаная почва, разогретая южным солнцем, медленно отдавала тепло, не успевала остыть за ночь. Колчину казалось, что он лежит на разогретой сковороде и поджаривается, как котлета на медленном огне. Если так и дальше пойдет, уже к утру мясо Колчина можно будет употреблять в пищу.

* * *

Темир Хапалаев он же Хапка, скрывавшийся за границей последние четыре года, нарисовался в Махачкале пару недель назад. Прибыл на теплоходе из Баку, предъявив на контроле подложный паспорт на имя некоего Хасана Салакбекова, скончавшегося еще три года назад от инфаркта. Пограничники срисовали Хапка. С тех пор он находился на мушке у местных чекистов, не ожидавших столь щедрого подарка судьбы. Предстояло выяснить, с какой целью этот человек прибыл в Россию, куда направляется и какое задание получил от хозяев. Однако Темир ничем не выдал своих планов: снял хибару на окраине Махачкалы, целыми днями парился в доме, высовывался на двор только по нужде. За домом установили скрытое наблюдение. Но результаты оказались более чем скромными. Еду, свежую воду и молоко в хибару приносила старуха из местных. Использовать эту женщину в оперативных целях невозможно: старуха безнадежно глупа, неграмотна и, что самое главное, туга на оба уха. Свяжись с этой бабкой, только хуже сделаешь. Сам Хапка вышел в город единственный раз: дошагал до ближней почты и отбил телеграмму в Стамбул до востребования. В своем послании он просил некоего Аракана лучше заботиться о здоровье матери, потому что та совсем плоха. Ясно, телеграмма – это кодированное сообщение. Темир давал какой-то знак. Но кому отправил сообщение Темир? И какой знак он давал? В начале недели к Хапалаеву нагрянули три гостя. Один молодой кавказец, и два мужчины средних лет славянской внешности. За плечами рюкзаки в руках чемоданы. Личности гостей установить не удалось. Фотографии сделать не смогли. Гости вылезали из дома только в темное время суток. Трусцой до сортира – и обратно. Дважды в день из местного ФСБ в Москву уходили зашифрованные донесения

близнецы: Хапалаев и его друзья продолжают отсиживаться в хибаре на городской окраине. Видимо, ждут посылки с деньгами, оружия или нового пополнения. Вчера Москве справедливо решили, что от добра добра не ищут. Хапалаев, за которым тянется длинная череда жестоких убийств и похищений людей, сам по себе ценный трофей. Выждать дальше рискованно, надо паковать клиента на месте. Иначе Хапка исчезнет, заляжет на дно, ищи его потом.

Значит, так тому и быть.

* * *

Рядом с Колчиным лежал майор Булач Миратов. Грузный и неповоротливый Миратов исходил потом, пыхтел, будто только что пробежал на время стометровку, и часто поглядывал на часы, стрелки которых горели в темноте зеленоватым светом. В правой ладони Миратов сжимал рукоятку «ПМ», пальцами левой руки тербил густые черные усы. Сослуживцы Миратова знали эту особенность: если начальник подкручивает усы, значит, он нервничает, сомневается в себе, в своих действиях или немного трусит. Свет в окнах погас в половине второго ночи. Но майор Миратов не выразил по этому поводу никаких чувств. – Подождем, – прошептал он. – Еще хоть четверть часа подождем.

– Торопиться некуда, – прошептал в ответ Колчин. – Когда я еще так на теплом песочке полежу? Со стороны моря дул ветерок, не приносивший облегчения после жаркого, наполненного солнцем и духотой дня. Поднятый песок налипал на влажную от пота кожу. Он набивался в нос, щекотал ноздри и скрипел на зубах. Колчин тыкался носом в землю и чихал. Время от времени он доставал из кармана маленькую фляжку с теплой солоноватой водой, смачивал губы и делал мелкий расчетливый глоток. Колчину дотронулся пальцами до плеча Миратова.

– Слушай, тут змеи водятся? Булач Миратов, занятый другими мыслями, не сразу понял смысл вопроса. Сейчас Булач жалел, что согласился на уговоры московского гостя и взял его на опасное дело. Случись что с Колчиным неприятно, а пулю получить проще простого, с кого спросит начальство? Эдак можно и погоны потерять. – Змеи? – переспросил Миратов. – Конечно, водятся. Тут много змей.

– И ядовитые есть?

– Разные.

– Спасибо, обрадовал, – вздохнул Колчин. От дома, который занимал Хапалаев и его друзья, оперативников отделяли три-четыре десятка метров, песок, поросль многолетних цветов вперемежку с сорняками и рахитичные кустики молодого винограда. Последний дождь капал здесь, кажется, прошлой весной. Виноградные листья пожухли, скукожились, многолетние цветы высохли, опустили головки, и уже не источали сладкого аромата. Колчин слышал запах термоядерного одеколона «Горная резеда», которым, выезжая на задание, Миратов обильно смочил шею, волосы и затылок. Еще сюда долетало зловоние близкой выгребной ямы и ароматы сортира, будка которого, сколоченная из не струганного горбыля, стояла слева, с подветренной стороны. Сочетание запахов гниющих нечистот и одеколона «Горная резеда» рождало приступы близкой непроходящей тошноты и легкого головокружения. Миратов снова взглянул на циферблат часов, отмеренные четверть часа давно кончились. Набрав в легкие воздуха, майор сунул в рот два пальца, готовый коротко свиснуть, давая знак к началу операции. Но неожиданно замер, вытащил пальцы изо рта и прижал голову к земле. На оранжевую луну, висевшую в небе, набежала туча. Очертания окружающего мира исчезли. В двух шагах не видно ни зги. Из этой темноты до Колчина долетел скрип разошедшей двери. Какой-то человек вышел на порог хибары, прикурил сигарету и

медленно, боясь оступиться в темноте, зашагал через двор к будке сортира. Тропинка пролежала в трех метрах от того места, где залег Колчин.

Музыка, доносящаяся с круизного теплохода, неожиданно оборвалась. Цикады больше не выводили свои трели. Одышка перестала мучить Миратова, майор задержал дыхание. Человек приближался. Колчин слышал, как под подметками башмаков потрескивают мелкие камушки и песок.левой рукой Колчин нащупал на пояском ремне ножны, вытянул за рукоятку нож с обоюдоострым клинком. Правую ладонь прижал к земле. Если человек заметит Колчина... Что ж, тогда нужно, оттолкнувшись от земли, прыгнуть вперед, ударить незнакомца грудью в бедро, сбить ног. Полоснуть по шее ножом.

Но все обошлось. Человек прошагал мимо распластавшегося на земле Колчина, хлопнул дверью сортира, повернул заветку. Пару минут Колчин слышал физиологические звуки, доносившиеся из кабины. Видимо, мужик не прокипятил сомнительное козье молоко, что утром принесла глухая старуха, и теперь жестоко мучился расстройством желудка. Колчин, работая локтями, подполз к Миратову, приложил палец к губам и провел указательным пальцем по горлу. На секунду Миратов задумался над предложением Колчина, но не дольше чем на секунду. Миратов отрицательно покачал головой. Один шанс к трем, что человек, сидевший в будке, и есть Хапалаев. А Хапка нужен следствию живым, с мертвого показаний не снимешь.

– Это не он, – прошептал Колчин в ухо майора, словно прочитал его мысли. – У этого светлые волосы. А Хапка брюнет, с усами. И ростом выше.

– Может, ты ошибся, – снова покачал головой Миратов. – Слишком темно.

Полная луна начала выползать из-за тучи, мир снова наполнился светом и звуками южной ночи. Колчин, не выпуская ножа их руки, отполз за виноградный куст, в густую тень. Через пару минут мужчина вышел из будки, застегивая на ходу пуговицы штанов, побрел обратно к дому. Колчин проводил человека взглядом: среднего роста и сложения, блондин. Из одежды на незнакомце шорты и майка защитного цвета без рукавов. На правом плече и внешней стороне ладони заметны даже в темноте татуировки. Ходит осторожно, тихо, будто ступает по минному полю. Заскрипели дощатые ступеньки крыльца, человек скрылся за дверью. Колчин вздохнул и сделал из фляжки еще один глоток. Воды оставалось только на донышке.

Миратов коротко свистнул.

* * *

«Началось», – подумал Колчин. Он поднял голову и стал наблюдать, как шесть бесплотных силуэтов, похожих на заgrabные тени, выросли из земли. Пригнувшись, побежали от забора к дому, чтобы занять позиции под окнами и на крыльце. По плану четыре бойца должны ворваться в дом через дверь, двое других попадают в хижину через окна, высадив прикладами автоматов стекла и трухлявые рамы. Бойцы, сидящие в засаде с противоположной стороны дома, участвуют в активных действиях том случае, если Хапка с друзьями попытается вырваться из кольца с их стороны. Задача Миратова и Колчина прикрывать бойцов группы захвата.

Колчин сунул нож в ножны, достал пистолет и опустил предохранитель. Боец, бежавший первым, замешкался возле дома, на секунду остановился перед последним броском. Готовясь, взлететь на крыльцо, с разбегу долбануть подметкой армейского башмака в дверь. В эту короткую секунду произошло нечто, недоступное пониманию Колчина. Он услышал странный звук, будто железякой ударили по стеклу. Кто-то высадил окно с внутренней стороны. И сразу же затрещала пулеметная очередь. Два бойца, оказавшиеся к дому ближе остальных, упали, как подкошенные. Пули калибра семь шестьдесят два разорвали броне-

жилеты легко, как мокрый картон. Кто-то громко вскрикнул и замолчал. Длинная пулеметная очередь прижала Колчина к земле. Пули срубили несколько виноградных веток. Стреляли из дома через ближнее к двери окно. В ночной тишине пулеметная пальба звучала громко, будто артиллеристская канонада. Пулеметчик выдержал короткую паузу, чтобы вытащить расстрелянный магазин и поставить на его место снаряженный. Воспользовавшись мгновением, Колчин выставил вперед руку с пистолетом и несколько раз выстрелил в темноту, на звук. Вскочил на ноги, перебежал на новое место, ближе к сараю. Упал с тем расчетом, чтобы защититься от пуль небольшим валуном, глубоко вросшим в почву. Выходит, человек, выходящий по нужде, заметил оперативников. Заметил, но виду не подал. Справил нужду и, как ни в чем ни бывало, вернулся в хибару. В эту секунду утихшая было стрельба грянула с новой силой. По двору стреляли уже из двух окон. Колчин слышал короткие автоматные очереди и пистолетные выстрелы с противоположной стороны дома. Сотрудники ФСБ рассчитывали на легкую добычу. Они не ждали сопротивления, не говоря уж о кинжальном пулеметном огне. Уцелевшие оперативники рассеялись по двору, отвечая короткими не прицельными очередями. Расползлись кто куда, ища укрытия за сараями, грядками, навозной кучей. Это отступление больше напоминало паническое необдуманное бегство. Перед домом остались лежать три оперативника, срезанные первой же очередью. – Сдавайтесь. Бросайте оружие. Выходите с поднятыми руками. По одному. В противном случае...

Прокуренный баритон майора Миратова, кажется, доносился прямо с темного звездного неба. На самом деле майор, схоронился за стволом поваленного ветром старого тополя, лежащего вдоль забора. Тополь еще не успели пустить на дрова, и дерево сослужило майору добрую службу. Спасаясь от пуль, падая на землю, Миратов ушиб височную часть головы о камень. Получив легкое сотрясение мозга, он больше не контролировал ситуацию и четко не осознавал, что же происходит на дворе и в доме, каков реальный расклад сил. – Повторяю. Выходите с поднятыми руками...

Предложение о сдаче оружия показалось настолько диким, несуразным, что Колчин услышал лошадиное ржание сидевших в доме людей. И сам едва сдержал улыбку. – Это ты выходи с поднятыми руками, гнида, – рявкнул через окно Хапка. – Ну, жду три секунды... Парашник... Дубина...

Дальше отборная матерщина. И длинные пулеметные очереди из двух окон, прошившие все пространство двора. Затем громкий щелчок, похожий на пистолетный выстрел. И разрыв гранаты, выпущенной из подствольника. Граната разорвалась недалеко от того места, где прятался Миратов. Вторая граната легла слева от Колчина ближе к сараю.

* * *

Оперативники, что залегли с противоположной стороны дома, выпустили из ракетницы по дому несколько зажигательных патронов. Одна из ракет, влетевшая в разбитое окно, попала точно в разобранную постель. Две другие легли на крышу, между листами ржавой жести. Куски рубероида и сухое дерево принялись ленивым оранжевым огнем. На двор снова вылетела граната и легла метрах в пяти от Колчина. Во все стороны брызнули осколки и каменная крошка. Колчин не успел опустить голову. На несколько секунд он ослеп от яркого взрыва. Острый каменный осколок полоснул по лбу, точно над правой бровью, распорол кожу. Колчин застонал, перевалился с живота на спину, звездное небо закружилось перед глазами, сделалось багровым. Падучая звезда прорезала небосклон, но Колчин не увидел звезды. Показалось, он ослеп. Голова загудела, как пожарный колокол во время тревоги. Колчин снова перевалился на живот, он моргал глазами, но ничего не видел. Наконец, догадался стереть кровь рукавом куртки. Из крыши дома уже вырывались высокие оранжевые языки пламени. Серый дым не поднимался к небу, а стелился по земле. Два мужчины один за

другим выбрались из разбитого окна. Пригибаясь и петляя, побежали через двор к сенному сараю. Их фигуры отбрасывали длинные ломкие тени. Колчин поднял руку с пистолетом, целя в человека, бегущего первым. Но тут новая пулеметная очередь прошла низко над землей. Колчин, так и не сделав выстрела, успел уткнуться лицом в песок. Услышал свист пуль над головой, чьи-то неразборчивые крики. Кровь снова залила глаза. Теперь Колчин слышал быстрые удаляющиеся шаги, несколько раз пальнул на звук. Затем выщелкнул расстрелянную обойму. Покопался в кармане разгрузочного жилета. За домом слышались одиночные выстрелы, по нападавшим кто-то бил картечью из ружья. Оперативники отвечали короткими автоматными очередями. Наконец, Колчин нашел в кармашке снаряженную обойму, вставил ее в пистолетную рукоятку и передернул затвор.

– Задавайтесь...

На этот раз голос Миратова, прятавшегося за стволом тополя, звучал вяло, без железной нотки. Даже не поймешь, к кому он обращался. Да и сам майор не был уверен, что бандиты примут на столь заманчивое предложение. – Выходите с поднятыми... Сукины дети...

Колчин услышал, как в сарае заработал на высоких оборотах автомобильный двигатель. В следующую секунду торцевая стена, сколоченная из почерневших от времени досок, пошатнулась и рухнула на землю, подняв над двором столб мелкой коричневой пыли. Несколько деревяшек и листовое железо, приколоченные к стене для прочности, разлетелись по двору. Сарай, готовый завалиться на сторону, зашатался, но каким-то чудом устоял. Кусок железного листа, описав в воздухе дугу, врезался в левую руку Колчина, выше локтя. Застонав от боли, Колчин едва не выронил пистолет.

В ту же секунду свет автомобильных фар ударил в лицо. Темно-синяя пяти-дверная «Нива» с усиленным бампером выехала из сарая. Оказавшийся на ее пути Колчин, едва не попал под колеса, успев в последний момент откатиться в сторону. «Нива», не разогнавшись, проехала по телам убитых оперативников. Притормозила перед домом. Еще один человек с пулеметом Калашникова в руках, перешагнул низкий подоконник. Выбрался на двор через пустое окно. Пустил последнюю очередь куда-то в темноту. Это же Хапка, – узнал Колчин. – Уйдет ведь, сука, – прошептал Колчин, язык перестал слушаться. – Уйдет...

Он выставил вперед руку с пистолетом, но прицельно выстрелить мешала кровь, заливавшая глаза. Дважды Колчин пальнул в Хапку и дважды по колесам «Нивы». И промазал. В это мгновение Хапка, освещенный пламенем горящего дома, оказался удобной мишенью. Он бросил пулемет на землю и уже был готов юркнуть в распахнутую заднюю дверь автомобиля. Но не сумел сделать последнего шага. Даже не шага, половины шага. Колчин не услышал выстрела, не понял, кто стрелял, откуда прилетела пуля. Хапка вдруг замер. Обхватил горло двумя ладонями, медленно опустился на колени. Из-под пальцев фонтанчиком брызгала кровь. Видимо, пуля задела сонную артерию. И жить Хапке осталось минуты три-четыре.

Задняя дверца захлопнулась, машина медленно двинулась с места. Протаранила бампером забор. Продольные жерди, прибитые к врытым в землю столбам, поломались, как спички. Колчин вскочил на ноги, побежал за машиной. На бегу он переложил пару снаряженных пистолетных обойм в брючный карман, расстегнул застежки разгрузочного жилета, бросил его на землю. Развернувшись, «Нива» вырулила на узкую грунтовую дорогу с глубокими колеями, и поехала в низину, поднимая за собой пыльный шлейф. Пуля, пущенная Миратовым вдогонку машине, выбила заднее стекло, разлетевшееся в мелкие осколки. Сунув пистолет под ремень, Колчин через проем в заборе выбежал на улицу, бросился следом за машиной, расстегнул липучки бронежилета. Миратов что-то прокричал утробным срывающимся голосом, но Колчин не разобрал слов. В кустах на другой стороне улицы прятались какие-то люди, в основном мужчины и дети, сбжавшиеся с окрестных дворов поглазеть на стрельбу и пожар. Колчин сбросил с плеч бронежилет, оставшись в светлой рубашке с корот-

ким рукавом. Он видел задние фонари «Нивы», которые медленно удалялись, и, кажется, уже готовы были скрыться из вида. Рука, поврежденная упавшим на нее куском листового железа, болела какой-то странной пульсирующей болью. Пальцы и предплечье, наливались тяжестью и начинали неметь. Колчин наддал. Без бронжилета под горку бежалось легко. Кажется, подметки кроссовок не касаются земли. Но едкая пыль забивалась в бронхи и легкие. Пересохшие губы, потрескались и сочились кровью, в рот набился песок. За своей спиной Колчин слышал автоматные очереди и одиночные ружейные выстрелы. В горящем доме оставался один человек, бросить пушку и поднять лапки он не хотел. Наверное, решил поджариться заживо. В темноте Колчин оступился обо что-то невидимое, о кочку или камень, кубарем полетел на уходящую вниз дорогу. Перевернувшись через голову, снова вскочил на ноги и продолжил эту, казалось бы, безнадежную погоню. Колчин добежал до развалин склада, где оперативники оставили свой транспорт, когда красные фонари «Нивы» уже потерялись в ночи. Молоденький прапорщик Саша Дроздов, оставшийся караулить машины, увидав окровавленное лицо Колчина, заляпанную грязью светлую рубашку, сделал шаг назад и поднял ствол автомата. Но в следующую секунду узнал московского гостя.

– Что там? – округлил глаза прапор.

– Ключи, – в ответ пролаял Колчин сиплым и низким, голосом. – Где ключи от «жигуля»?

– В замке зажигания.

Колчин шагнул к машине. – Можно я с вами?

– Подгони микроавтобус наверх, – приказал Колчин. – Прямо к горящему дому. Там есть раненые.

Хотелось выплюнуть набившийся в рот песок, но слюны не было. Полость рта пересохла, как колодец в пустыне.

Колчин распахнул дверцу «пятерки», рухнул на сидение, повернул ключ, включил передачу.

– У вас лицо в крови, – прапорщик наклонился к Колчину. – Вы ранены?

Оставив вопрос без ответа, Колчин выжал педали. Машина сорвалась с места, выскочила на грунтовку. Высоко подпрыгивая на кочках, понеслась по ухабистой кособокой грунтовке. «Жигуль» мчался, не разбирая дороги. Через пару минут в свете фар показалось стоявшее над дорогой облако коричневой пыли, поднятое «Нивой».

* * *

Левая рука тяжелела, не слушалась, пальцы теряли чувствительность. Боль от предплечья поднималась выше. Сломана ли левая рука или кость осталась цела, можно было только догадываться. Колчину приходилось вести машину одной рукой. Он держал руль правой пятерней, время от времени, на полторы секунды, отрывал ладонь от баранки, чтобы переключить передачи. Одной правой машину можно вести, если имеешь такой навык. Но дело осложняла ссадина на лбу. Кровь сочилась, густела, текла по векам и попадала в глаза. В эти мгновения Колчин слеп. Теряя дорогу, он поднимал вверх то правое, то левое плечо, стирал кровавые подтеки. Пару раз машина съезжала в канавы, левым крылом сбивала штакетник деревянных заборов, снова выскакивала на дорогу. Вслед «Жигулям» лаяли испуганные собаки, из домов выскакивали люди, стараясь понять, что происходит. Кто-то из домовладельцев пальнул в воздух из охотничьего ружья. Колчин не слышал ни криков, ни собачьего лая, ни выстрелов, только свист ветра. Он потерял счет времени и километрам. Машина мчалась по темной ночной дороге, где на обочинах не встретишь не единого фонаря. На крутых поворотах Колчин, стараясь не выпустить скользкий непослушный руль, изо всех сил, до острой боли, сжимал кисть руки так, что белели костяшки пальцев, а предплечье

сводила судорога. Он не жалел ни себя, ни машину, подвеска которой жалобно скрипела и, кажется, готова была развалиться в любую секунду. Задние фонари «Нивы» мелькнули далеко впереди и снова исчезли. Не сбавив хода, «Жигули» Колчина выскочили с грунтовки на асфальтовую дорогу, такую же темную и ухабистую. «Жигуль» повело юзом, заскрипели покрышки. Казалось, машина перевернется, встанет на уши. Колчин сумел вывернуть руль в тот момент, когда зад машины развернулся, погасив инерцию движения вперед. Выровняв машину, утопил педаль газа, дорога снова рванулась под колеса. Через пару минут огни Махачкалы остались далеко позади. Дорога то взлетала на склоны пологих холмов, то спускалась вниз, то снова поднималась вверх. И тогда можно было увидеть черное ровное, как бильярдный стол, пространство моря, уходящее к невидимому горизонту. К морю спускался высокий песчаный откос, заросший колючкой и жухлой сгоревший под солнцем травой. С правой стороны звездное небо подпирали холмы, похожие на огромных черепах. Встречных машин не попадалось, Колчин видел впереди на трассе два красных фонаря «Нивы», расстояние между автомобилями сокращалось. – Все, ты мой, – прохрипел Колчин.

Мысленно он поправил себя: сейчас главное не слететь с трассы в обрыв. А вероятность велика. Кровь из раны никак не останавливалась, снова набегала на глаза. Колчин, не мог оторвать взгляд от дороги, чтобы стереть кровь плечом. Он часто смаргивал веками. Но это помогало. Глаза слезились, контуры темной дороги раздваивались, меняли цвет, расплывались.

– Ты мой...

Сухой, облепленный песком язык едва ворочался. Он распух и вываливался изо рта. Сейчас Колчин отдал бы любые деньги за глоток паршивой соленой воды с тошнотворным травяным привкусом. Но полупустая фляжка осталась в разгрузочном жилете. Сжимая челюсти и щуя глаза, Колчин жал на газ. Слабый мотор «Нивы» захлебывался. Расстояние между машинами сокращалось.

Глава вторая

Пригород Махачкалы. 22 июля.

Отлежавшись за стволом тополя, справившись с головокружением, майор Миратов решил действовать. Сейчас он жалел, что не разрешил сотрудникам взять на задания рации. Эти переговорные устройства, произведенные где-то в Южной Азии, были ненадежны, выходили из строя от легкого удара. Но, главное, во время работы издавали тонкий далеко слышимый свист и шипение, какое издает брошенное на раскаленную сковороду мороженое сало. Эти звуки могли обнаружить оперативников во время боевого задания, и тому уже имелся печальный опыт. Перед началом операции сговорились атаковать дом по свистку Миратова, по задумке майора на все дело должно уйти полторы-две минуты. На кой черт связь? Об осложнениях в деле Миратов как-то не подумал. ... С задней стороны хибары слышались короткие автоматные очереди и беспорядочная ружейная пальба. Значит, сопротивление бандитов не было сломлено. На что рассчитывают те, кто держат оборону? Ведь через десять-двадцать минут, рухнет стропила, обвалится крыша. И хана. Никогда не поймешь, что на уме у отмороzków. Миратов даже не представлял, какие потери понесли оперативники, кого из бандитов удалось завалить, а кто ушел. По всем прикидкам, в доме должен оставаться только один человек. Впрочем, кто знает, столько их там...

Майор привстал, выбрался из-за своего укрытия. Вжимаясь в рыхлую песчаную землю, он медленно дополз до виноградных посадок. Дышалось тяжело. Стелившийся по земле дым разъедал глаза. Но отсюда, с ближней позиции, дом стал виден во всех деталях. Стены из необожженного кирпича, посеченные пулями, огонь не тронул, но крыша уже принялась ярким пламенем, полыхал дощатый навес над крыльцом. Из окон тянулась удушливая гарь, будто там, в помещении, полыхали резиновые покрышки. На дворе неподвижно лежали три оперативника, погибшие в первую минуту штурма. У крыльца, разбросав руки по сторонам, одетый в синие шорты и светлую майку, по пояс залитую кровью, лежал человек. На шее черная дыра раны, запекшаяся кровь на лице, глаза открыты и смотрят на Муратова с немой беспощадной злобой. Без труда майор узнал Темира Хапалаева. Этот готов. А жаль...

Миратов раздвинул ладонями виноградную лозу, он хотел подползти ближе к дому. Двинул вперед правый локоть, но тут заметил какое-то движение в темном дымном окне, успел вжаться в землю. Грянул ружейный выстрел. За ним второй. Картечь сорвала листья, выдернула из земли корни растений. Теплый сок из зеленой виноградной грозди брызнул на лоб Миратова. Он решил – кровь. Но на этот раз обошлось. Майор неподвижно лежал на земле, боясь обнаружить свое присутствие. Услышав за спиной тихий шорох, чуть не вздрогнул. К нему подползал прапорщик Саша Дроздов, оставленный у старого склада сторожить машины. В отсветах пламени чумазая физиономия Дроздова сделалась красно-багровой, как у черта.

– Какого хрена ты здесь, – майор не договорил, закашлялся от дыма. – Почему покинул пост?

Дроздов ладонью он размазал по лицу грязь. – Тот майор Колчин, что из Москвы прибыл, он приказал подогнать сюда микроавтобус. Возможно, есть раненые. – Вижу только трупы, – прошептал Миратов. – А где сам Колчин?

– Он погнался на «Жигулях» за той синей «Нивой». Кажется, Колчин серьезно ранен.

Миратов плюнул от досады. Ну вот, теперь отвечай еще за этого подраненного московского гуся. Сидел бы в своем кабинете, нет, принесла нелегкая сюда. Да еще полез под пули. И вот теперь пострадал. Когда днем Миратов спросил Колчина, с какой это стати майор, а не какой-нибудь прапорщик, должен доставить в Москву опасного преступника Хапку, Колчин

отшутился. Мол, я сам напросился к вам в Дагестан слетать. В столице засиделся, захотелось пыль с ушей сдуть. – Говоришь тяжелое у него ранение? – переспросил майор.

– Вся лицо в крови, – кивнул Дроздов. – И левая рука висит, как плеть.

– Целься в правое окно, – приказал майор.

Миратов вытащил пистолет, поймал в прорезь прицела левое окно и стал ждать. Затихли автоматные очереди с другой стороны дома. Сделалось совсем тихо, только потрескивали горящие доски, лопался саманный кирпич. Миратов не торопился, решив, что этого бандита живым уже не взять. Человеку, если он останется в доме, осталось жить не больше пяти минут.

* * *

– Эй, вы...

Хриплый мужской голос доносился из огня и дыма.

– Слышите меня? Я сдаюсь. Не стреляйте. Пожалуйста...

Миратов облегченно вздохнул.

– Слышим тебя, – крикнул майор в ответ. – Бросай свою пушку через окно. На землю бросай. Подними руки. И выходи. Живее.

– Вы не будете стрелять? – задрезжал голос.

– Не будем. Выходи с поднятыми руками.

Слезаясь глазами Миратов наблюдал за окнами. Вот из дыма вылетело и упало на песок охотничье ружье с двумя вертикальными стволами и прикладом из натурального ореха. В дыму возникло какое-то движение. Человек перебросил одну ногу через подоконник, цепляясь руками за раму, выбросил вперед вторую ногу. Наконец, ступив на землю, сделал вперед несколько шагов, остановился, поднял руки над головой. На человеке был надет пиджак, брюки из толстой шерсти. На голову и шею намотаны два увлажненных полотенца. На носу сидели пластмассовые очки с резиновым уплотнителем по краям. Такие очки не давали дыму попадать в глаза. Одежда дымилась.

Миратов не поднялся с земли.

– Сбрасывай пиджак. И тряпки с лица, – крикнул он.

Человек развязал и бросил на землю полотенца, снял очки, скинул пиджак. Под пиджаком оказались патронташи, перехватывающие грудь крест на крест. На поясе третий патронташ. Мужчина был славянином лет сорока – сорока пяти. Довольно мускулистый, русоволосый с вытянутым очень бледным лицом и грустными глазами. Ясно, есть от чего загрузить.

Мокрые полотенца, защитные очки и вода, которой он поливал себя при удобном случае, позволили продержаться так долго в горящем доме. Но дыма человек наглотался основательно. Его шатало из стороны в сторону, казалось, легкий порыв ветра мог свалить его с ног. – Не могу. Плохо...

Мужчина опустил руки, прижал ладони к животу, сведенному судорогой. Колени подломились. Человек встал на колени, уперся ладонями в землю, широко распахнул рот, из которого потекла темная струйка слюны. Он стоял на карачках и блевал добрых пять минут, пока, наконец, справился со слабостью, и снова поднялся на ноги.

Миратов встал с земли, выставил вперед пистолет. Велел человеку приблизиться медленными шагами. Затем приказал вытянуть вперед руки, сомкнуть запястья. Дроздов заковал мужчину в браслеты. Затем побежал к дому, чтобы оттащить тела убитых оперативников подальше от огня. – Есть на дворе еще кто? – Миратов направил ствол пистолета на живот незнакомца.

– Я один, – мужчина прижал к груди скованные браслетами руки. – Клянусь. Меня бросили... Я остался один. Будь они прокляты.

- Как тебя зовут?
- Витя. Виктор Андреевич Анисимов.
- Почему сразу не сдался?
- Я боялся. Они предупредили меня, что пленных здесь не берут. Кончают на месте.

Прости, господи.

Решив отложить допрос до лучших времен, Миратов стал разглядывать патронташи задержанного. Гнезда под патроны оказались пустыми. Все до единого. Анисимов, если он действительно Анисимов, сдался только после того, как расстрелял последний патрон. Майор оглянулся на дом. Стропила затрещали и рухнули вниз. Крыша обвалилась. В черное небо взлетел огненный столб и густой сноп искр. Да, теперь вопросы о том, кто еще мог быть в доме, не имеют смысла. Возможно, на пепелище найдется один или два обгорелых трупа. Сунув два пальца в рот, Миратов свистнул три раза. Сигнал к тому, что дело закончено.

* * *

«Жигули» медленно, нагоняли «Ниву». Сейчас, в азарте погони, Колчин чувствовал себя бодрым и здоровым. Рассечение на лбу схватилось тонкой корочкой, кровь запеклась, а рана быстро подсыхала. Но левая рука по-прежнему не слушалась, пальцы немели, предплечье от кисти руки до локтя налилось чернотой и опухло. Когда расстояние между автомобилями сократилось до пятидесяти метров, впереди показался знак крутого поворота. И тут же откуда-то из ночной темноты навстречу выскочил туристический «Икарус» с погашенными огнями. Человек, сидевший за рулем автобуса, выпил лишнего на свадьбе дальнего родственника и теперь возвращался домой, удивляясь тому, что дорога, широкая утром, к вечеру почему-то сделалась совсем узкой. Автобус, набрав предельную скорость и выписывал на двухрядном шоссе кренделя. То вилял от обочины к обочине, то мчался точно посередине разделительной полосы. Водитель «Нивы» заметил опасность раньше Колчина, успел совершить маневр, съехать правыми колесами на обочину и дать по газам. Не снижая скорости, «Нива» проскочила в сантиметре от «Икаруса». Колчин принял вправо. Действуя одной рукой, сумел переключиться на низшую передачу. Трижды нажал и опустил педаль тормоза, не выжав сцепления, при включенной передаче. Тонко взвизгнули тормоза, машина вылетела на самый край обочины. «Жигули» остановились, подняв тучу песка и пыли. Автобус, не затормозив, пронесся мимо, едва не чирикнул своим боком по заднему бамперу «Жигулей». Сама смерть пролетела где-то рядом и исчезла в ночи. – Сволочь... Что б тебя размазало...

Колчин ударил по газам, разогнался, стараясь аккуратно вписаться в поворот и не снизить скорости. Когда на повороте «Жигули» стало заносить, он не утопил педаль тормоза, а лишь слегка сбросил газ. И удержался на трассе. Дальше шоссе пошло по прямой. Слева, как и прежде, к обресту моря спускался песчаный откос. Справа поднимались пологие холмы в порослях дикой колючки и желтой полыни. Стрелка спидометра полезла вверх. Задние фонари «Нивы» приближались. Через пару минут Колчин сократил расстояние до тридцати метров. Заднее стекло «Нивы» потеряла еще там, на выезде со двора. И сейчас Колчин хорошо видел, что пассажир «Нивы», занимавший переднее место, перелез на заднее сидение. Дистанция двадцать метров... Пятнадцать, десять... Человек на заднем сидении поднял ствол, обхватив рукоятку пистолета двумя руками. Раздался сухой выстрел, сверкнуло пламя. Пуля попала в левую стойку.

За поясным ремнем Колчина пистолет. Но что толку в пушке, если одна рука на руле, а вторая не действует.

Грохнул следующий выстрел, еще один. По пробитому пулями лобовому стеклу пошли трещины. Разлетелись мелкие стекляшки, царапнувшие подбородок. Здоровой рукой Колчин намертво вцепился в руль, сохраняя направление движения и скорость. Согнул корпус

вправо, нырнув под приборный щиток. Когда выпрямился, один за другим ударили еще два выстрела. Обе пули пробиты радиатор. Над капотом поплыл прозрачный пар. Колчин успел подумать, что на тачке с расстрелянным радиатором далеко не уедешь. Впрочем, далеко ехать и не требуется. Все решится в течение одной, от силы двух минут. Лишь бы не попала встречная машина...

Колчин видел, как стрелок неторопливо целится ему в голову из своей пушки. Лоб покрылся мелкими каплями пота. Машины разделяют жалких три метра, но дорога плохая, тряская. Тут и с метра попробуй попади. Два выстрела. Пули пробиты лобовое стекло чуть правее Колчина, на уровне его груди. На этот раз он не успел нырнуть за приборный щиток. Колчин подумал, что «Нива» тяжелее «пятерки», но сейчас это обстоятельство не имеет решающего значения. Надо вспомнить о другом: вытолкнуть машину с дороги на скорости свыше шестидесяти километров смертельно опасный фокус. А на спидометре сто двадцать. Колчин набрал в легкие воздуха. Он сказал себе: пора. Прижал к полу педаль акселератора, обошел «Ниву» справа. Притормозил, сбросив скорость до пятидесяти. «Нива» тоже притормозила, затем немного прибавила газу. Машины пошли вровень. Расстояние от борта до борта сократилось с метра до двадцати сантиметров. Человек на заднем сидении готовился сделать решающий последний выстрел в висок Колчина. Мужчина по-прежнему держал пистолет двумя руками, щуря левый глаз. Он не спешил с выстрелом, чувствуя, что на этот раз вряд ли промажет. «Нива» сантиметр за сантиметром обходила «пятерку», голова Колчина попала в прорезь пистолетного прицела. Еще секунда, и все кончится. В это мгновение заднее колесо «Нивы» оказалось чуть впереди переднего бампера «пятерки». – Ну, суки, получите, – заорал Колчин.

Он дал полный газ. Машина рванулась вперед. Колчин слегка повернул руль. По дуге направил правый угол «пятерки» в наиболее уязвимое место: между задней дверцей и бампером «Нивы». Грохнул запоздалый выстрел, пуля ушла в никуда. Удар. «Пятерку» тряхнуло, по стеклу поползли свежие трещины. Колчин не поддавался соблазну сбросить газ. И тем удержал машину на дороге. Краем глаза он заметил, как «Нива» слетела с шоссе, показав задний мост. Развернулась в полете и боком полетела вниз по склону холма. Перевернулась на крышу, снова встала на колеса, и снова на крышу... Колчин проскочил по шоссе еще метров сто и только тогда резко затормозил, дал задний ход. Остановил «пятерку» в том месте, где «Нива» слетела с трассы. Вылез из машины, хлопнул дверцей и в первый раз ощупал больную руку. Кажется, кости целы. Но пальцы распухли, едва шевелятся, предплечье сделалось дубовом от отека. Правой рукой он вытащил из-под ремня пистолет, шагнул к самому краю шоссе и глянул вниз. Песчаный склон спускался к морю и терялся в кромешной темноте, где-то далеко внизу шумел прибой. У берега смутно угадывалась пенная неровная полоса волн. А дальше мрак. Не виден даже горизонт, та черта, где море сходилось с небом. Колчин замер на месте. Прислушался, наклонившись, выставил ухо вперед. Показалось, где-то под песчаным откосом сухо щелкнули пистолетные выстрелы. Или почудилось? Может, дувший с моря ветер обломил на дереве сухие ветки. Ставя ноги елочкой, он стал медленно спускаться вниз.

* * *

Через десять минут майор Миратов сделал все, что положено делать в подобных ситуациях. По рации, установленной в микроавтобусе, вызвал «скорую помощь» и пожарных. Из оставшихся бойцов поставил оцепление по периметру огорода, чтобы собравшиеся на улице зеваки не подходили близко к догорающему дому. В перестрелке отряд Миратова потерял трех убитых, еще два бойца были ранены. Одному ружейная картечь посекала икроножные мышцы. У другого бойца картечины раздробили плечевой сустав. Раненых кое-как перевя-

зали, положили на брезент и отнесли к дороге. Все время, пока Миратов расставлял людей, возился с раненым и, ругаясь по-черному, отгонял зевак, задержанный Анисимов стоял посередине двора. От слабости он покачивался, подносил скованные браслетами руки к лицу и вытирал со щек крупные прозрачные слезы. Рядом с задержанным топтался прапорщик Дроздов.

– Позовите майора, – попросил Анисимов слабым придушенным голосом. – Я хочу показать что-то важное. Там, в дальнем сарае, они прятали какие-то важные документы. Паспорта, карты местности. Я знаю, где тайник.

– Тайник? – переспросил прапорщик.

Дроздов крикнул майора. Миратов подошел к Анисимову, выслушал его сбивчивый рассказ о документах и тайнике. – Ну, пошли, показывай, – Миратов подтолкнул Анисимова ладонью в спину. Миратов крикнул еще двух бойцов из оцепления. Чем черт не шутит, где-то в темных углах мог прятаться сообщник Анисимова. Впятером они прошли в дальний конец двора. Здесь углом под одной крышей стояли три дровяные сарая, каждый сарай имел отдельную дверь. Замок на дверях нет, только деревянные завертки. Анисимов остановился, поднял руки, показав пальцем на средний угловой сарай. – Вот здесь, – сказал он. – У дальней стены ящик с луком. Надо его переставить, копнуть на штык саперной лопатки. В песке пакет с документами.

– Ты ничего не путаешь? – спросил Миратов. – Может, хочешь что-то добавить? Может, ты чего-то не договорил?

Анисимов отрицательно помотал головой, шмыгнул носом, сглотнул слюну. Он готов был разрыдаться в голос.

– Господи, – неожиданно Анисимов прижал руки к сердцу и всхлипнул. – Я проклинаю тот день. Ну, когда связался с этими людьми. Они подонки, убийцы. Это все от нищеты. У меня четверо детей. Их надо кормить. Иной раз у нас на кусок хлеба не хватало. У моей жены болезнь крови. Все ради них. Ради детей. Мне пообещали большие деньги...

Майор не ответил. Всклипывая, Анисимов заглянул в глаза Миратову.

– Скажите, а мне будет какое-то послабление? – спросил он. – Я согласен помогать следствию. Я на все согласен. Мне сбросят за такое дело хоть пару лет? Хоть сколько...

– Ты еще поторгуйся, – усмехнулся майор. Ушибленная голова Миратова гудела, боль перемещалась от виска к затылку и обратно. – И нос вытри. Хватит тут помойку разводить.

– У вас дети есть? – спросил Анисимов.

Миратов не ответил. Сейчас только этих соплей не хватало. Дети...

* * *

Дроздов, не дожидаясь команды, сделал шаг вперед, к двери, повернул завертку. Он уже хотел потянуть на себя железную ручку, изъеденную ржавчиной. Но Миратов опередил это движение, шагнул к прапорщику, тронул его за плечо.

– Нет, – сказал Миратов. – Нет, я сказал. Не торопись.

Дроздов посмотрел на майора, сморгнул. Но приказ выполнил. Отступил на шаг от двери.

Анисимов потупил глаза, вытер набежавшую слезу. Миратов, прищурившись, посмотрел в лицо задержанного, что-то решил для себя, дал команду всем бойцам отступить на прежнюю позицию, к дальнему забору, захватив с собой Анисимова. Оставшись один, Миратов достал из-за пояса фонарик, его длинной ручкой разбил оконное стекло. Подставив пустой пластиковый ящик из-под бутылок, встал на него ногами, осветил в темное нутро сарая. Световое пятно фонаря выхватило из темноты наваленные возле стен деревянные

ящики, низкую поленицу дров, бесформенную кучу истлевших от времени тряпок. Вон он у стены, тот ящик с луком.

Ухватившись руками за наличник, майор залез через окно в сарай. Застыв на месте, стал светить фонарем себе под ноги, вдоль стен, по углам. В двух метрах от двери стоял красный пятидесятилитровой баллон с газом. Сюда, на далекую окраину магистральный газ не провели, жители покупают привозные баллоны. Справа и слева газовый баллон подпирали поставленные на попа двадцати килограммовые ящики с металлическими болтами. Упаковка на ящиках фабричная. Странное соседство. Миратов сделал два осторожных шага вперед, остановился, посветил фонариком. Свет был слабым, батарейки подсели. Миратов замер на месте, сердце забилось часто и тяжело. Ошибиться он не мог. К горловине баллона широкой клейкой лентой были прикручены две гранаты Ф-1. К кольцам обеих гранат привязана тонкая, едва заметная в свете фонарика рыболовная леска. Другой конец лески обвязан вокруг дверной ручки. Впав в оцепенение, Миратов рассматривал литой корпус ближней гранаты с продольными и поперечными полосками на поверхности. Он решил, что нужно немедленно выбраться из сарая тем же маршрутом, через окно, и вызвать саперов. Но не тронулся с места. Подумал, что каждая такая граната имеет радиус поражения осколками в двести метров и вес разрывного заряда шестьдесят грамм. Если леска слегка натянется, предохранительные кольца выскочат из гнезд, гранаты рванут. Тогда дверь взрывной волной сорвет с петель, осколки достанут стоящих в оцеплении бойцов и плотную толпу мирных зевак, которых продолжает прибывать с каждой минутой. От разрывов гранат сдетонирует газовый баллон, металлические болты разлетятся по округе, сметая все живое на пути. Ясное дело: трупы придется считать не единицами, дюжинами. Миратов отступил назад, поставил фонарь на подоконник так, чтобы свет падал на горловину баллона и гранаты. Он расстегнул нагрудный карман куртки, запустил внутрь кармана пальцы. Нож для такого дела не годился. От прикосновения не слишком острого клинка двойная леска может сильно натянуться. А вот лезвие бритвы – самый подходящий инструмент. В правом кармане лезвия не оказалось. В эту минуту Миратов исходил потом и думал, что заветка двери с внешней стороны осталась открытой. Если вдруг с моря налетит резкий порыв ветер, дверь распахнется. И тогда...

– Только не суетись, – прошептал майор. – Не дергайся...

Миратов расстегнул левую пуговицы куртки, влажными от волнения пальцами нашупал бритву на дне кармана. Снял губами вощеную бумажку. Шагнул вперед, наклонился над баллоном. Придержал леску левой рукой. Чиркнул по ней бритвой, перерезав сначала одну, затем другую нитку. Разогнулся и вытер пот рукавом куртки. В следующую минуту Миратов освободил гранаты от клейкой ленты, вывинтил запалы и сунул их в карман.

Он вышел на двор через дверь. Прислонился плечом к стене сарая и стал бездумно наблюдать, как догорает саманная хибара. Вытащил пачку сигарет, прикурил, заметив, как сильно дрожат пальцы. А ведь он, Миратов, едва не доверился Анисимову, едва не купился на его слезы и рассказ о больной жене и детях. Чуть не поверил в существование мифического тайника с документами под ящиком лука. Майор ФСБ, пятый десяток разменял, он тертый перетертый мужик... И вдруг такая наивность.

Миратов выплюнул окурочек. Прошагал через двор. Анисимов, опустив голову, стоял у забора и носком ботинка ковырял песок. Когда майор приблизился на расстояние двух шагов, Анисимов поднял глаза, глянул на Миратова и криво усмехнулся, оскалив ровные белые зубы.

– Ну что, Витя? – хриплым шепотом спросил Миратов. – Где твои важные документы?

Размахнулся и съездил Анисимова кулаком в ухо. С трудом державшийся на ногах, угоревший от дыма Анисимов легко повалился на землю, подняв пыль.

– Тайник, говоришь? Дети у тебя? Жена больная, говоришь?

Миратов ударил задержанного ногой, целя носком ботинка под нижнюю челюсть. Но Анисимов успел закрыть горло и лицо предплечьями, скованными наручниками. Миратов сплюнул. Он почувствовал, что не осталось сил даже набить морду этому отбросу, ни на одно лишнее движение не осталось сил. – Ладно, тащите падаль в машину. Дальше с моих глаз. Иначе я его пристрелю. Где-то совсем близко завывала сирена скорой помощи. Голубым глазом блеснул проблесковый маячок.

* * *

Колчин медленно спускался вниз по песчаному откосу, ориентируясь по глубоким следам, оставленным «Нивой». Видимо, машина переворачивалась, вставала на колеса и снова валилась на бок и продолжала движение вниз. Колчин уже преодолел метров двадцать, но конца спуска все не было. Луна спряталась за серые облака. Песок под ногами осыпался. Когда подметки не находили твердой опоры, Колчин падал на бок, замирал и прислушивался. Но никаких новых звуков не было. Только монотонный шум прибоа сделался ближе, где-то вдалеке, на склонах холмов, застрекотали цикады, а ветер, дувший с моря, едва слышно шуршал песком и стеблями высохших диких цветов. Еще Колчин слышал, как наверху по трассе проехали два автомобиля, судя по звукам двигателей, легковушки. Одна машина прошла в сторону Махачкалы, другая в обратном направлении. Путешествие к подножью склона затруднялось тем, что в правой руке Колчин сжимал рукоятку пистолета, а левая свободная рука отказывалась работать. Упав в очередной раз, Колчин напоролся плечом на куст колючки, больно уколол плечо. Оставив на ветке вырванный из рубашки клочок ткани, он едва подавил стон. Кричать и стонать нельзя. Люди, находившиеся в машине, могли отделаться лишь легкими травмами. Возможно, они уже пришли в чувство и теперь готовятся выстрелить на звук, положить Колчина здесь, на склоне. Наконец, глаза, уже привыкшие к темноте, различили внизу темный абрис машины. Колчин решил не торопиться. Он лег на левый бок, прицелился в «Ниву», положив кисть на бедро, чтобы рука не дрогнула. Он ждал минут семь, надеясь, что его противники каким-то образом выдадут свое присутствие. Но не заметил никакого движения ни вокруг автомобиля, ни в салоне. Сунув пистолет под ремень, стал спускаться к «Ниве». Чтобы не упасть, он хватался рукой за кусты полыни, выдергивал из песка длинные травяные корни. Очутившись на ровном месте, снова вытащил пистолет. «Нива» стояла на четырех колесах, глубоко зарывшись в песок разбитым передком. Здесь, рядом с морем, было светлее, чем на шоссе. Луна нехотя выползла из-за туч, ее свет, отраженный светло желтым песком, мог сослужить Колчину недобрую службу. На открытом месте, он стал хорошей мишенью. Но долго раздумывать, взвешивая свои шансы, не осталось времени. Колчин приблизился к машине на расстояние шага, рванул на себя водительскую дверцу. В первую секунду показалось, что салон пуст. Колчин распахнул заднюю дверцу, нагнулся вперед. В салоне пахло бензином и свежей кровью. Вдоль сиденья, ногами к Колчину неподвижно лежал человек в светлых брюках и желтой рубашке. Левая штанина от начала бедра и ниже пропитана темно бурой жидкостью. Колчин ощупал ногу, из-под брючной ткани выпирала сломанная, вылезшая из-под кожи бедренная кость. Ботинки полны крови. Колчин, поставив колено на сиденье, пролез в салон, заглянул в лицо мужчины. Кавказец, на вид лет тридцать. Темные на выкате глаза открыты. Каштановые вьющиеся волосы слиплись, повисли жалкими сосульками, из полуоткрытого рта вылез черный язык. Над правой бровью входное пулевое отверстие. Следов пороховых ожогов нет. Второе входное отверстие на правой верхней челюсти. Человеку дважды выстрелили в голову с близкого расстояния. Видимо, пули вышли из затылка, спинка сиденья забрызгана мозговыми сгустками. Картина ясна: когда машина оказалась внизу, водитель увидел, моторный отсек разбит, у его напарника сломано бедро, значит, идти он не сможет. Тащить искалечен-

ного человека на себе не имело смысла. И оставлять нельзя. Водила, долго не раздумывая, кончил дело двумя выстрелами в лицо. Видимо, расстрел произошел так неожиданно, что кавказец не успел защититься, на резиновом коврик в лужице крови валялся пистолет «ТТ».

Колчин выбрался из салона, вытер кровавые ладони о брюки. С того момента, как «Нива» слетела с дороги и оказалась под склоном, прошло минут тридцать. Здоровый сильный человек за это время прошагает километр, не больше. Идти тяжело, ноги по щиколотку вязнут в песке. Но в какую сторону двинул беглец? Ночью без служебной собаки эту головоломку не решить. А широкая полоса пляжа затоптана сотнями человеческих ног. Остается одно: срочно вызывать оперативников ФСБ и милицию, перекрывать район. На это уйдет время. Возможно, часа два. В худшем случае, опера появятся здесь только к рассвету. Выставят посты вдоль береговой линии, перекроют дорогу, прочешут песчаные холмы. Но в эту широкую сеть пуганая опытная рыбка вряд ли угодит. И все-таки надо попробовать...

Колчин вздохнул и начал трудный подъем на склон холма. Выбравшись на дорогу, он долго топтался на обочине, ожидая машину. Когда вдалеке показались светящиеся фары, встал посередине дороги, раздвинул в стороны руки. Молодой водитель, взявший за правило не брать ночных попутчиков, возвращался в Махачкалу. Он издалека заметил человека на дороге, «Жигули» на обочине. Подъехав ближе, парень испугался чуть не до обморока. Лицо незнакомца, разорванная светлая рубашка и штаны были густо заляпаны кровью. Из-под брючного ремня торчала рукоятка пистолета.

Водитель посигналил длинным гудком, но человек не ушел с дороги, даже не попятился. Объехать чужака не было возможности, мешала «пятерка». Водитель ударил по тормозам, «Волга» остановилась. Колчин, оставаясь стоять на месте, вытащил из заднего кармана удостоверение, развернул красную книжечку и выставил вперед руку. Водитель должен прочитать то, что написано на трехцветной бумаге.

– Я майор госбезопасности Валерий Колчин. Мне нужна помощь.

Он закрыл книжечку, подошел к водительской дверце, наклонился.

– Остановишься у ближайшего поста дорожно-постовой службы, скажешь старшему офицеру, чтобы немедленно связался с городским управлением ФСБ. С майором Миратовым. Скажешь, что Колчин здесь, на дороге. Они знают, что делать. Как тебя зовут?

– Темир Шураев.

– Добро. Езжай, Темир.

Глава третья

Махачкала. 23 июля.

Четырнадцать часов задержанный Виктор Анисимов провел в подвале одного из частных домов, расположенном в пригороде Махачкалы. Обнесенный глухим трехметровым забором особняк с обширными подвальными помещениями был оформлен на одного из ответственных работников городской администрации. На самом деле дом, надворные постройки и участок земли площадью в полтора гектара находился на балансе ФСБ. Эту точку время от времени использовали для встреч с нелегальными осведомителями и для ночных допросов. До позднего вечера Анисимова продержали в похожей на гроб душевной клетушке с бетонными стенами, куда извне не проникало никаких, даже самых слабых, звуков. Здесь не было ни вентиляции, ни окошка под потолком. Из остановки – унитаза, покрытый коркой засохшего дерьма, табурет, крепко привинченный к полу. Еще железный столик, приваренный к стене, и, наконец, голая деревянная койка. Такая узкая и короткая, что на ней не смог бы вытянуться не то что взрослый мужчина, но юноша, который не вышел ростом. Духота стояла непереносимая. В камере было темно, однако на глаза Анисимову надели черную повязку, чтобы он потерял счет времени, выпал из действительности.

Анисимов не понимал, что процедура дознания, уже запущена. Цель мероприятий, предваряющих допрос, довести задержанного до края психологической выносливости. Чтобы затем, в ходе очной беседы, доломать его окончательно. Наручники и повязку сняли, когда в шесть вечера в камеру принесли то ли обед, то ли ужин. Пластмассовую миску, полную плова с морковью и бараниной, и приятный на вкус лимонный напиток. Над дверью зажгли тусклую лампочку, забранную железной сеткой, положили перед Анисимовым ложку. Плов оказался вполне съедобной. Анисимов поел с аппетитом, вылизал миску хлебным мякишем. Миску с ложкой унесли, свет не выключили, но Анисимова снова заковали в наручники. Через пять минут он почувствовал себя скверно. Контролер, наблюдавший за Анисимовым через глазок в двери, видел, что тот неподвижно сидел на табурете, поставив локти на стол, обхватив лицо руками. Из груди рвались то ли слабые всхлипы, то ли стоны боли. В лимонный напиток и плов подмешали химический препарат, смесь люминала с лофофорой, вызывающий у человека приступ безотчетного животного страха, чувства физического бессилия и незащищенности. Еще через десять минут Анисимов вскочил с табурета и стал стучаться в металлическую дверь кулаками, выкрикивая бессвязные ругательства.

– Откройте, выпустите меня, – на губах Анисимова выступила серая пена. – Откройте, говорю... Твари... Сволочи... Вы меня убиваете.

Но никто не пришел на помощь. За дверь стояла гробовая тишина, будто люди покинули эти мрачные казематы, чтобы никогда сюда не возвращаться. Отбив кулаки, Анисимов сел на пол, согнул спину, засунул голову между коленей и надолго застыл в этой неудобной позе. Через минуту лязгнула задвижка с обратной стороны двери, повернулся ключ в замочной скважине. В камеру вошел врач Луков, кадровый сотрудник ФСБ, пожилой мужчина с бритой наголо головой и костяным лицом, на котором не отражались человеческие эмоции. Луков был одет в медицинский халат, на хрящеватом носу сидели круглые очки в металлической оправе, в руке врач держал акушерский саквояж. Врач погладил Анисимова по голове, пересадил на койку, пробормотал какие-то успокаивающие банальные слова. Затем измерил давление, послушал через трубочку легкие Анисимова, уловив в них характерные хрипы курильщика.

– Мне кажется, что я умираю, – пожаловался арестант. – Мне совсем хреново... Скажите этим тварям, чтобы сняли с меня наручники.

– Наручники? – глаза врача налились слезами. – Батенька, это не в моей власти. Я только доктор.

– Пусть меня переведут из этого бетонного гроба хоть куда. Я здесь задыхаюсь...

– Потерпите, батенька.

– Сколько сейчас времени?

– У меня нет часов.

– Я подыхаю...

– Ничего, батенька, сейчас я помогу вам.

Анисимов, терпеливо выслушал все жалобы, сочувственно покачал головой, склонив ее на сторону. Сам облик врача, его доверительная манера общения, умная шишковатая голова, обращение «батенька», внушали пациенту что-то похожее на доверие.

– М-да, батенька, мотор у вас шалит, – вздохнув, сказал Луков. – Жалеть себя надо. Вытяните руки, я сделаю укол, чтобы поддержать сердце. Поработайте пальчиками правой руки.

Луков расстегнул саквояж, достал большой шприц, уже наполненный бесцветной жидкостью.

– Это физраствор с добавлением валокордина и группы витаминов, – пояснил врач. – Сейчас все будет хорошо.

На самом деле шприц был наполнен миорелаксантом дитилина, веществом, которое применяют при усыплении бродячих собак. Луков ввел иголку во вздувшуюся вену на локтевом суставе. Спрятал пустой шприц в саквояж, попрощался и поспешно вышел из камеры. Лязгнула задвижка. Анисимов пересел на табурет. Показалось, после укола стало немного легче. Но состояние облегчения продлилось лишь несколько коротких секунд. Анисимов неожиданно испытал онемение мышц, быстро поднимавшееся от бедер к груди. Сердце забилося редкими тяжелыми толчками, руки повисли, ноги сделались ватными, сами собой вытянулись во всю длину. Воздух перестал поступать в легкие, лицо посинело. Анисимов захрипел, он готов был разорвать глотку ногтями, чтобы глотнуть воздуха, но не мог пошевелить конечностями. Анисимов наклонился к койке, но не дотянулся, грохнулся на пол, в кровь разбил нос. Руки и ноги не слушались его. Но голова оставалась ясной, трезвой, взгляд чистым. Анисимову казалось, что он угодил под тридцати тонный каток, который тонким слоем размазывает его тело по бетонному полу. Удары сердца становились все слабее и реже.

Луков, стоя с другой стороны двери, через глазок наблюдал за мучениями задержанного. Врач повернулся к стоящему за спиной контролеру.

– Еще минут пять-шесть он подергается, а потом начнет дышать и двигаться, – сказал Луков. – Сразу врубайте свет и музыку.

Луков повернулся и пошел вдоль по узкому коридору.

Действительно, через пять минут Анисимов почувствовал, что он вылез с того света, жизнь медленно, капля за каплей, возвращается в тело. Но страх смерти, животный ужас засели в сердце, как гвозди. И тут из динамиков, вмонтированных в стены, грянула музыка. Даже не музыка, бессмысленный набор звуков, напоминающий гортанное пение казахского пастуха. Из десятка мощных ламп, спрятанных под потолком за решетками, ударил ослепительно ярко свет.

Анисимов почувствовал, как на голове шевелятся волосы. Он закричал во все горло, завыл по волчьи, но крики и вой никто не слышал.

* * *

К обеду стало ясно, что поиски пропавшего из «Нивы» водителя закончились ничем. Милиционеры и военные вместе с сотрудниками городского ФСБ прочесали пляж, окрест-

ные холмы, дорогу. Видимо, беглец воспользовался форой во времени и за те три часа, когда к месту подтянулись поисковики, сумел уйти далеко. В поисках Колчин участия не принял, он не питал иллюзий, понимая что затея с прочесыванием местности – тухлая. Он постарался с толком распорядиться свободным временем. Переодевшись в новую рубашку и брюки, он из кабинета Миратова связался с Москвой, воспользовавшись линией спецсвязи. Сообщил, о результатах операции: Темир Хапалаев убит во время перестрелки. Но удалось взять боевика из его команды, этого типа дактелоскопировали, личность выясняют. «Пальчики» с разбитой «Нивы» эксперты сняли. Первый допрос Анисимова начнется поздним вечером. «Сам решай, тащить его в Москву или оставить в Махачкале, – ответил теперешний начальник Колчина полковник ФСБ Шевцов. – Представляет этот Анисимов интерес для нас или это так... Дерьмо местного значения. И тогда его не надо трогать. Пусть наши дагестанские друзья с ним разбираются». Если Шевцов и был огорчен плохой новостью о смерти Хапки, то вида не подал. Голос полковника звучал ровно. Положив трубку, Колчин отправился в ведомственную поликлинику, где ему наложили несколько швов на рассеченный лоб. Женщина хирург ощупала больную руку и отправила Колчина на рентген. Посмотрела снимки и объявила, что перелома нет. Но есть сильный ушиб, обширная гематома и растяжение связок. Хирург помазала предплечье зеленой мазью, пахнущей свежим гуталином, наложила повязку и отпустил больного на все четыре стороны. Колчин плотно позавтракал, а заодно уж и пообедал в закрытой столовой УФСБ. На бульваре он выпил пару кружек бочкового пива «жигулевское», кисло-соленого, напрочь лишенного хмельного эффекта. Вернувшись в гостиницу, приземлился на жесткий диван, глубоко продавленный посередине. И через секунду провалился в обморочный сон. Он проснулся, когда на город спустились фиолетовые сумерки, а в пивном павильоне аквариуме, что виден из окна гостиничного номера, зажгли свет. Колчин перекинул через плечо полотенце и распахнул дверь ванной комнаты, но тут зазвонил телефон. «Включай телек, – сказал Булач Миратов. – Сейчас будут передавать сообщение, которое мы слили на телевидение. Эта же информация, только в расширенном виде, появится завтра во всех городских и республиканских газетах. Машину пришлю за тобой через час». Колчин сел в кресло, перед экраном, прикурил сигарету. Телевизионный диктор, седовласый, одетый в темный не по погоде костюм, выглядел очень торжественным. Часто опуская взгляд к разложенным на столе бумажкам, он сообщил, что сегодня в пригороде Махачкалы была окружена банда террористов и похитителей людей, состоящая из четырех матерых преступников. Между сотрудниками правоохранительных органов и бандитами завязалась перестрелка. В ходе успешной операции все бандиты уничтожены на месте. О потерях личного состава ФСБ ни слова. Диктор говорил по-русски, приятным баритоном, делал долгие многозначительные паузы между предложениями, давая зрителям время на осмысление сказанного. Закруглив с криминальной тематикой, перешел к проблемам сельского хозяйства. Колчин сбросил одежду и залез под душ. Дать на телевидение и в газеты информацию о гибели террористов – идея Колчина. Пусть их хозяева знают, что в руки ФСБ живым не попал ни один из наемников.

* * *

Допрос Анисимова начали ближе к ночи, в тот час, когда всякий человек особенно остро чувствует боль и свою физическую уязвимость. Прапорщик Дроздов привез Колчина в тот самый особняк в городском пригороде, где держали Анисимова. Проводил на второй этаж, в просторную комнату для допросов, окна которой заложили кирпичом. Здесь было так светло, что Колчин зажмурился. Под потолком горели мощные люминесцентные лампы, стены помещения на уровне человеческой груди выложили белым кафелем, отражающим свет. За письменным столом майор Миратов раскладывал какие-то бумажки. На деревянном

кресле с прямой спинкой сидел Анисимов. Предплечья задержанного прикрутили ремнями к подлокотникам, голени обеих ног пристегнули браслетами к ножкам кресла. Из одежды на Анисимове оставили только сатиновые в мелкий цветочек трусы: голый человек острее чувствует страх. Задержанный выглядел совсем хреново, паршивей некуда. Кожа серая, как у лежалого покойника, под глазами мешки, на губах и скулах запеклась свежая кровь. Видимо, майор уже немного размялся, поработал кулаками или дубинкой. Манера Миратова вести дознание была старомодной, даже архаичной, но весьма эффективной. Перед допросом человек попадал под психологический прессинг, подобный тому, что сегодня вынес Анисимов. Затем задержанного бил Миратов или пара его помощников. Били молча, остервенело, били всем, что под руку попадет. Во время избияния не задавали никаких вопросов, ничего не требовали, не совали под нос бумажки, которые нужно подписать. Затем избияние неожиданно прекращали, задержанного прикручивали к стулу, задавали несколько вопросов. Затем снова били и задавали вопросы. И так дальше, круг за кругом, час за часом. Если надо, день за днем. Миратов искренне полагал, что в Дагестане проходит передний край войны с терроризмом, войны жестокой, кровавой, подлой, не знающей правил. И здесь, в Дагестане, против террора эффективны только два лекарства: пули и пытки. Все остальное лирика и чистоплюйство. Сейчас он стянул с рук забрызганные кровью перчатки. Заняв место за письменным столом, в полной тишине, позевывая, перебирал какие-то никчемные бумаженции. Колчин появился, в тот момент, когда Миратов погрузился в изучение квитанции из химчистки, которую оплатил еще месяц назад. Колчин сел у стены на табурете, закинул ногу на ногу. Этот день казался Колчину очень длинным, как и всякий тяжелый неудачный день. И конца этому дню не видно.

– Разрешите идти? – спросил Миратова прапорщик Дроздов.

– Не разрешу, – майор покачал головой. – Бери табурет, садись к столу. Будешь протокол вести. А то Латыпов отпросился мать встретить. Поехал на вокзал. Вернется только часа через три-четыре. Тогда я тебя отпущу.

Дроздов, повздыхал, но приказание выполнил. Присел у края стола, придвинул к себе чистые листки протоколов. Он волновался как мальчишка перед первым свиданием. Дело в том, что прапорщик не выносил вида крови и жестокого насилия, он никогда не присутствовал на допросах, пистолет держал в руках всего несколько раз в жизни. В том полку, где Дроздов проходил срочную армейскую службу, солдат близко не подпускали к оружию и боеприпасам. В армии Дроздов научился пасти свиней, полоть капусту и пить одеколон. В средней школе милиции он освоил специальность автослесаря и научился крутить баранку машины. Позднее по знакомству устроился водителем в городское управление ФСБ, на этой работе он не видел ничего кроме дороги и своего непосредственного начальника майора Миратова. Майор задал Анисимову несколько общих анкетных вопросов и перешел к делу. Личность задержанного, его настоящее имя и биография интересовали майора меньше всего на свете. По всему видно, что в этой бригаде Анисимов шестой номер. Миратова заботил тот единственный человек из группы, что остался в живых и теперь гуляет на свободе.

* * *

– Как звали людей, пытавшихся скрыться на «Ниве»? Кто они? Откуда приехали? С каким заданием?

Анисимов минуту молчал, трогал языком десна. После тумачков, полученных от Миратова, передние зубы качались, и, кажется, вот-вот готовы выпасть. Десна болели и кровоточили. Анисимов сглатывал сладковатую слюну, замешанную на крови. В эту минуту он жалел только об одном: прошлой ночью фокус с взрывом гранат и газового баллона не удался. Должен был получиться. И вдруг облом. – Одного звали Гиви Муладзе, – сказал

Анисимов. – Он из Батуми, грузин. Он был на побегушках: пойдешь, принеси, подай... Как звать второго чувака, не знаю. Слышал только его кличку – Стерн. Он был старшим в нашей группе.

– Старшим был покойный Хапка, – поправил Колчин со своего места.

– Нет, – Анисимов покачал головой. – Страшим был Стерн.

– Стерн, – хмыкнул Колчин. – Странная кличка.

– Все клички – странные.

– Как его настоящее имя? Национальность? – Миратов стал включать и выключать настольную лампу, направив свет в лицо Анисимова. – Имя? Национальность?

– Кажется, русский. Он говорил по-русски чисто, без акцента. Имени не знаю. Клянусь.

– Чем клянешься? – Миратов давил и отпускал кнопку настольной лампы. – Малыми детьми или смертельно больной женой? Смотреть в глаза.

– Его называли только по кличке: Стерн, – повторил Анисимов.

– Ваше задание? Кто отдавал команды? Кто хозяева?

– Задание знал только Стерн, – ответил Анисимов. – Он ждал сигнала к началу операции. Мы все, включая Хапку, были исполнителями. И ознакомиться с заданием должны были уже по ходу дела. Стерн затевал что-то большое.

– Диверсию? Взрыв жилого дома? Поджог? Отравление питьевой воды в городском коллекторе? – Возможно. Точно не знаю.

– Кто тебя нанимал? Где? При каких обстоятельствах?

– Я нашел эту работу через своего знакомого. Мы вместе воевали в Абхазии, его зовут Тимур Делба. Он свел меня с человеком, которой назвался Игорем. Мой друг инвалид, противопехотной миной у него оторваны голени на обеих ногах. А то он сам подписался бы на это дело. Мне выдали двадцать тысяч долларов аванса. По завершении дела обещали еще пятьдесят тысяч зеленых.

– Ого, – майор присвистнул. – Значит, дело стоило этих денег. Значит, затевалось что-то из ряда вон... Что ты еще можешь вспомнить об этом Стерне?

– Ничего. Только кличку.

– Сколько ему лет? – спросил Колчин. – Опиши его. Что за татуировки на его правой руке? Особые приметы? – Особых примет не имеет, – ответил Анисимов. – Только эти наколки. Русые волосы. Глаза голубые. Привлекательная морда, такие мужики бабам нравятся. На вид около сорока лет или чуть больше. Рост чуть выше среднего. На кисти выколота рука с ножом, скованная кандалами, и слово МИР: меня исправит расстрел. На плече – средневековый шлем.

– Шлем на плече – символ вора или гопника, – сказал Колчин. – Стерн из блатных?

– Не знаю. Он по фене не ботал. С нами мало разговаривал и запрещал общаться друг с другом. По повадкам не поймешь, блатной он или фраер порченный.

Миратов схватил телефонную трубку, набрал трехзначный номер внутренней связи. Теперь нужно убедиться, что Анисимов не соврал, а сказал правду. Говоря казенным языком, нужно закрепить показания.

– Доктор, немедленно сюда, – прокричал Миратов в трубку. – Нужна ваша помощь. Человек просит, чтобы ему помогли. Освежили память.

– Нет, – закричал Анисимов. – Не зовите коновала. Я сказал правду. Если придет этот садист, я больше не произнесу ни слова. Сволочи... Ни слова не скажу. Будьте вы прокляты.

– Заткнись, гнида поганая, – бросил Миратов.

Анисимов стал двигать корпусом, шевелить пальцами, стараясь освободить руки от ремней. Он рычал и скалил зубы. Ремни издавали неприятный звук, так скрипят кирзовые сапоги на лютом морозе. Через пару минут обитая железом дверь открылась, появился доктор Луков. Поверх белого халата он надел темный клеенчатый фартук, на кисти рук натя-

нул резиновые перчатки грязно оранжевого цвета. Впереди себя врач катил тележку на резиновых колесиках, накрытую салфеткой. На таких тележках горничные подают завтраки в номера туристов. Луков поставил тележку перед креслом Анисимова так, чтобы разложенные на столешнице предметы попадали в поле зрения задержанного. Сдернул салфетку. Не отрываясь, Анисимов стал разглядывать хромированные медицинские инструменты: замысловатой формы щипцы, скальпели, сверла, пилки разных размеров. Задержанный должен видеть эти вещи, пугающее, будоражащее воображение, но, как правило, совершенно бесполезные во время допросов. Порой ожидание боли действует на психику сильнее, чем сама боль. Анисимов улыбался жалкой затравленной улыбкой. Врач Луков наклонился к задержанному, дергая за резинку трусов, стал приспускать их. Коротая время, майор Миратов, ковырял в зубах зубочисткой. Дроздов отвернулся в угол, он не хотел видеть, того, что происходит. Луков дергал за резинку трусов, но задержанный плотно упер зад в стул, трусы не спускались. Луков дернул сильнее. В этот момент Анисимов смачно плюнул в лицо врача. Майор Миратов, открыл от удивления рот, зубочистка повисла на нижней губе. Дроздов посмотрел на врача, замер в напряженной позе и побледнел. Луков выпрямился, достал из кармана халата безупречно чистый носовой платок, стер с лица слюну, протер стекла очков. Затем взял скальпель, глянул на свет, остра ли заточка. Прапорщик Дроздов зажмурился, уверенный, что Луков утопит лезвие в горле задержанного. Но обошлось без крови. Не проронив ни слова, Луков по швам разрезал трусы Анисимова. Сорвал и бросил на пол.

– Расставьте, батенька, ноги, – сказал Луков. – Что ж, как хотите. Вольному воля, батенька.

Луков взял шприц с эфиром, нагнулся, одной рукой поднял мошонку Анисимова. Глубоко воткнув иголку, сделал подкожную инъекцию. Анисимов зажмурил глаза. Казалось, что он очутился в темном лесу, тропка собственной жизни потерялась где-то во мраке ночи. Анисимова окружила компания юных задиристых путешественников. Дети разбили палаточный лагерь, устраиваясь на ночевку, разложили спальные мешки. А потом решили развести костер. Но не где-нибудь на широкой поляне, а прямо между ног Анисимова. Костер жарко разгорался, шkodливые дети подбрасывали в пламя хворост, сухие чурки. Огонь быстро набирал силу, делался все больше, все жарче. Он захватил промежность Анисимова, его бедра, грудь. Стал подбираться к лицу. Анисимов изо всех сил сжимал зубы, чтобы не заорать, не выдать своей слабости. На несколько минут Анисимов ослеп от боли. Ему казалось, что детородный орган превратился в обугленную пылающую головешку, а яички полопались от жара, растеклись.

Кончиками пальцев Луков раскрыл веки Анисимова, стал внимательно наблюдать за его зрачками. Луков причмокивал и что-то шептал себе под нос. Кровеносные сосуды на белках полопались, зрачки медленно расширялись. Его светло голубые глаза сделались почти черными, бездонными, как южная ночь. Значит, не симулирует. Анисимову больно, очень больно. Не выдержав нестерпимого жжения, Анисимов закричал во все горло. Доктор покопался на своем столике под салфеткой, вставил в ушные каналы ватные бируши, чтобы не оглохнуть от диких воплей. Затем сходил в угол комнаты к ручной мойке, вернулся с обратно с оцинкованным ведром. Наклонившись вперед, Луков снова заглянул в глаза Анисимова, удовлетворенно качнул головой. И надел на голову арестанта ведро. Теперь крики, десятикратно усиленные, металлическим эхом отдавались в голове Анисимова, в самом его мозгу, причиняя новые неизъяснимые мучительные страдания. Через десять минут арестант потерял сознание. Луков сделал уколы, вывел Анисимова из болевого шока. Затем окатил его холодной водой из ведра, измерил давление, послушал сердце. Кивнул Миратову, мол, можете продолжать, состояние здоровье не внушает опасений. А сам сел в сторонку, достал карандаш, раскрыл книжечку кроссвордов. Миратов, вытащил затычки из ушей, выплюнул изо рта зубочистку, положил на стол ноги.

– Как звали людей, пытавшихся скрыться на «Ниве»? Кто они? Откуда приехали? – майор слово в слово повторил вопросы, заданные час назад. – Вспоминай. Смотри на меня.

Анисимов беззвучно плакал, глотая слезы. Колчин курил, стряхивая пепел на пол и бросая короткие окурки под стул. Миратов щелкал кнопкой настольной лампы, направив свет в лицо Анисимова. Прапорщик Дроздов, находился в полуобморочном состоянии, он не мог вести протокол, так сильно дрожали руки.

– Кто был старшим в вашей группе? – спросил Колчин. – Старшим был Хапка? Кто такой Стерн? Отвечай.

Допрос пошел крутиться по второму кругу.

* * *

Дербент. 23 июля.

До Дербента Стерн добрался ранним утром. По пути он заметал следы, пересаживаясь из попутки в попутку. Совершая очередную пересадку, Стерн спустился к морю. Дул тихий ветер, волны едва плескались у ног. Солнце еще не поднялось, но небо уже светилось голубой синевой, обещая трудный жаркий день. Он стянул с себя майку, вошел по колено в воду, вытащил из-за пояса пистолет с расстрелянной обоймой и забросил его далеко в воду. Затем, наклонившись, зачерпнул со дна пригоршню песка. Соваться в город или поселок с заметными татуировками на плече и внешней части ладони – верное самоубийство. Первая встреча с милицейским патрулем кончится большой неприятностью, а то и катастрофой. Стерн стоял по колено в воде и тщательно тер мокрым песком плечо и ладонь, смывая выполненные «под татуировку» картинки: древний шлем с опереньем из конского волоса, человеческий кулак в кандалах с зажатым в нем ножом и слово МИР. Нанесенные на кожу особым химическим составом, картинки не смывались перстной водой и мылом, но морской воде и песочку эта живопись поддавались. В его положении надо надеяться не на худшее. Возможно, ориентировки на Стерна к полудню разойдутся по всем дагестанским отделам внутренних дел. А искать его будут, прежде всего, по особым приметам, то есть по татуировкам. Ну, теперь ищите... С наколками Стерн покончи за полчаса. Вышел на шоссе и поднял руку, когда показался старенький грузовик, тащивший за собой цистерну с молоком. Мрачный, заросший щетиной водитель, источал густой перегарный дух, хмурился и тупо молчал всю дорогу, страдая от жажды, которую безалкогольным молоком не утолить. В восемь утра Стерн вышел на окраине Дербента, вложив в ладонь водилы мелкие деньги на опохмелку. В магазине «Товары для отдыхающих» Стерн оказался первым, самым ранним посетителем. Дважды пересчитав те малые деньги, что завалились в кармане, купил красные плавки, яркую рубашку из вискозы с коротким рукавом. Его руки, освобожденные от картинок, должны видеть все желающие, особенно менты. Примерил и одобрил белые брюки. И, наконец, выбрал желтое махровое полотенце. Тяжело вздыхая, отсчитал деньги и пробил в кассе чек.

Потоптался в обувном отделе и примерил самую дешевую обувь, какую сумел найти. Сандали без задников с некрашеным матерчатым верхом, произведенные местной артелью инвалидов «Трудовой резерв». Стерн сложил старые вещи в большой бумажный пакет, долго рассматривал свое отражение в зеркале и решил, что с виду он напоминает отдыхающего, не обремененного высоким общественным положением и большими деньгами. На той же улице Стерн нашел фотоателье, снялся на паспорт. Пока фотограф печатал и сушил карточки, заглянул в лавку канцелярских товаров, купил пару тонких ученических тетрадей, с вложенными в них листками промокательной бумаги, перочинный ножик с множеством лезвий, пилку для ногтей, коробочку металлических скрепок и прозрачный клей. В аптеке он выпросил, чтобы дали без рецепта, дешевых снотворных таблеток. Получив фотографии,

Стерн отправился в пешее путешествие по незнакомому городку. Около часа он блуждал по горбатым узким улочкам. Над белыми заборами на ветках гранатовых деревьев висели еще неспелые яркие плоды, пели птицы, солнце, не вошедшее в зенит, приятно ласкало кожу. Но Стерну было не до этого, он размышлял о своей дальней судьбе. А положение складывалось хуже некуда. Надежные документы и большая сумма наличных денег, находившиеся в тайнике за кроватью, сгорели вместе с той хибарой. Помощники Стерна погибли. Хапка убит выстрелом в шею на его, Стерна, глазах. Гиви Муладзе, сломал бедро и ребра, когда «Нива» слетела с шоссе под откос. Стерну не оставили выбора: пришлось пристрелить беднягу Гиви. Анисимов наверняка сгорел заживо в том доме или нарвался на пулю. Так или иначе, Стерн совершенно один, он в чужом незнакомом городе. Без денег, без документов, без связей, без добрых знакомых...

Покрутившись по улицам, он остановился у парикмахерской «Париж». Долго разглядывал выставленную в пыльной витрине репродукцию полотна художника Теодора Горшельта «Пленение Шамиля», пока, наконец, поборов сомнения, решился переступить порог заведения. Парикмахер, улыбчивый горский парень, за четверть часа сделал вполне приличную даже модную стрижку. Поскреб подбородок клиента бритвой, смазал щеки лосьоном и долго давил на резиновую грушу, опрыскивая лавандовой водой затылок посетителя. Оставив в парикмахерской последние копейки, Стерн отправился обратной дорогой, к железнодорожной станции, разглядывая вывески магазинов. Наконец, наткнулся на часовую мастерскую, помещавшуюся в сыром темном подвале. В зале было пусто. Спустившись на пять ступеней, Стерн подошел к окошечку, вежливо поздоровался и, расстегнув браслет швейцарских часов «Омега» с хрустальным особо прочным стеклом и золотой инкрустацией на корпусе, положил их на железное блюдечко. Хозяин мастерской не заглядывал в паспорта посетителей, не смотрел на лица людей. Но внимательно изучали вещи, что регулярно проносят на продажу курортники, пропившие или проигравшие в карты последние гроши. Старый часовщик лезгин, вставил в глаз лупу и одним глазом долго пялился на «Омегу». Судя по хищному взгляду лезгина, такая дорогая, даже уникальная вещь впервые попала в его руки. После долгих торгов и уговоров Стерну удалось получить за часы рублевый эквивалент тридцати пяти долларов, что по местным меркам, очень большие деньги. Большого из старика не выжмешь.

До одиннадцати тридцати Стерн, вытянув под столом ноги, просидел в открытой летней закусочной возле автобусной станции, что рядом с вокзалом. Здесь, в ста двадцати километрах от Махачкалы, без татуировок, в новой одежде, Стерн чувствовал себя спокойно и комфортно. На площадь съезжались со всей округи автобусы, чтобы забрать и развести по домам отдыха и санаториям отдыхающих, прибывавших в Дербент по железной дороге. Стерн неторопливо съел порцию шашлыка, пару чебуреков, выпил кофе. Покончив с едой, поманил пальцем официанта. Спросил, какой из местных домов отдыха считается самым престижным. – Здесь много хороших мест, – не понял вопроса бестолковый официант. Стерн построил вопрос иначе: – В каком месте отдыхают самые богатые отдыхающие? Из Москвы? – Ну, богатых туристов тут давно не видели, – коверкая слова, ответил молодой человек. – Богатые, они за границей. Сами знаете, какое положение на Кавказе. – Но ведь где-то отдыхают туристы из Москвы, – Стерн уже терял терпение. – Ведь где-то они есть? – Много москвичей в «Заре Востока» и еще в «Огнях Дагестана», этот санаторий самый лучший. Добившись толкового ответа, Стерн расплатился, вышел на площадь, нашел белый автобус с синей надписью на кузове «Огни Дагестана». Залез в салон, заплатил за билеты. Заняв заднее кресло, стал ждать отправления.

Глава четвертая

Пригород Дербента. 24 июля.

Автобус остановился на песчаной необжитой равнине. Стерн вместе с группой отдыхающих, прибывших из Дербента, вышел на воздух, долго крутил головой, соображая, куда же его занесло и в какую сторону нужно двигаться. Водитель дагестанец выбрался из кабины и принялся с немым остервенением пинать покрышки. Чтобы оказаться на территории санатория «Огни Дагестана», нужно было пройти по узкому пешеходному мосту, проложенному над высоким оврагом, по дну которого к морю бежал ручей. Вода кофейного цвета пузырилась, поднимала грязную пену, приковывая взгляды путников. Налетавший порывами жаркий ветер качал мост из стороны в сторону, как качели, сухие истертые доски под ногами поскрипывали. Чтобы не свалиться вниз, туристу нужно было, делая новый шаг вперед, хвататься за натянутые по краям моста стальные канаты, заменявшие поручни. Во время перехода мужчины с бледными каменными лицами брели вперед, стараясь не смотреть под ноги. Женщины, не стесняясь эмоций, выражали страх повизгиванием и глубокими сексуальными стонами. Территорию санатория отделял от внешнего мира полуразрушенный забор, раскрытые настежь ворота никто не охранял. За забором росли какие-то скрюченные подагрические деревья и колючие кусты. Но ближе к морю начиналась цивилизация. Тропинки, вымощенные камнем, декоративные фонари, два четырехэтажных санаторных корпуса. Отдельно стояла столовая, за деревьями пряталась раковина летнего кинотеатра, по правую сторону десятка три коттеджей, на одну семью каждый.

Стерн, минуя главные корпуса, прошел на пляж, зашел в кабинку и натянул на себя красные плавки. Пахло солью, водорослями и раскаленным песком. Усатый шашлычник, поставив переносной мангал на асфальтированном пятачке под тентом, махал газетой, раздувал угли и нанизывал на шампуры маринованную баранину. Расстелив полотенце, Стерн бросил на песок сумку с вещами и пошел к морю. Окунувшись, вернулся, подставил спину солнечным лучам и стал наблюдать за отдыхающими. В течение следующего часа Стерн бродил по пляжу, прислушивался к разговорам и незаметно разглядывал одиноких женщин. Завершив свои наблюдения и приняв решение, остановился в нескольких шагах от дамы, сидевшей на махровой простыне. Голубой закрытый купальник, короткая стрижка темных волос. Женщина лет тридцати пяти явно скучала, лениво переворачивала странички журнала и отхлебывала из бутылки минеральную воду. Обручального кольца на пальце нет. Аккуратно свернутый фирменный халат из натурального шелка, фиолетовая шляпа под соломку лежат в стороне. Вещи не из дешевок, что продаются на базарчике у железнодорожного вокзала. Когда ветер вдруг подхватил и понес к морю фиолетовую шляпку, Стерн, словно дождавшийся этого момента, в три прыжка догнал ее, с полупоклоном вернул хозяйке.

– Спасибо.

Женщина подняла глаза и поверх солнечных очков внимательно посмотрела на Стерна. Симпатичный мускулистый мужчина, с приятным открытым лицом, – отметила про себя Елена Ивановна Юдина. Почему-то раньше этот человек не попадался ей на глаза. Может быть, он приехал только сегодня? Или вчера?

– Можно присесть?

Не дожидаясь ответа, Стерн опустился на песок рядом с Юдиной.

– Жарко сегодня, – сказал он. – Не хотите искупаться?

– Не сейчас. Что-то я вас раньше здесь не видела.

Стерн улыбнулся, показал Юдиной белые ровные зубы.

– Я отдыхаю в «Заре Востока», – ответил он. – Это примерно в пяти километрах в ту сторону. Вот решил сюда прогуляться, зайти к одному московскому знакомому, он здесь отдыхал. Но мой друг уже уехал.

– Скажите честнее – подруга.

Стерн не стал спорить, лишь пожал плечами. Мол, какая разница.

– Значит, вы тоже из Москвы? – спросила женщина.

– Из Москвы, – кивнул Стерн. – Я переводчик. Перевожу с английского технические тексты. Очень скучная работа. А вы чем занимаетесь?

– Работаю в одной забегаловке, – Юдина назвала известную страховую компанию – Только не подумайте, что я там главная. Я просто служащая, клерк.

– Ну, я тоже не великая шишка, – ответил Стерн. – Я Володя. А вы?

– Елена Ивановна. То есть Елена.

Машинально поддерживая разговор, Стерн краем глаза наблюдал за пожилым мужчиной, загоравшим неподалеку. Мужчина, лежа на боку, тыкал пальцами в кнопки мобильного телефона. Видимо, человек совсем недавно купил новую модель сотового и еще вдоволь не позабылся со своей игрушкой. И почему только люди, оказавшись на пляже, становятся такими доверчивыми и беспечными. Стерн усмехнулся.

– Сергей Степанович? – прокричал мужчина в трубку. – Ну, как там у вас в Риге, как погода? Дождь? Поздравляю. А у нас тут припекает, лежу у моря... Слышимость отличная...

Стерн отвернулся, он увидел все, что нужно было увидеть.

– А вы скоро уезжаете? – спросила Юдина.

– В принципе, могу хоть сегодня с места сорваться, – уклончиво ответил Стерн. – Надоело тут.

– А я завтра вечером. Ой, а мне как надоело...

* * *

Юдина не собиралась ничего рассказывать постороннему человеку, с которым была знакома всего несколько коротких минут. Но неожиданно для себя рассказала все, о чем думала, что не давало покоя... Этот человек притягивал, помимо воли располагал к себе.

Елена Ивановна оказалась в санатории «Огни Дагестана» волею случая. Зимой она пережила болезненный разрыв с дорогим сердцу человеком, с которым, не регистрируя брак, прожила четыре с половиной года. Весной началась черная депрессия, все валилась из рук, встречи со знакомыми и родственниками вызвали безотчетные приступы раздражения. Любая мелочь лишала покоя и душевного равновесия. «Лена тебе надо отдохнуть, – сказала ближайшая подруга Юдиной Вероника. – Но не тащиться на модный курорт, на какие-нибудь экзотические острова. Нужно ехать туда, где мало туристов. Где ты сможешь придти в себя, успокоиться, набраться сил. Поскучать себе в удовольствие. Короче, от людей отдохнуть. Дагестан, Каспийское море – это самое то». Путевки были куплены, подруги приехали в «Огни Дагестана» и первые три дня блаженствовали, посвятив досуг морю, красному вину и чудесным шашлыкам. Но женская душа требовала чего-то большего. Приключения, интрижки, курортного романа. И тут дам ждало разочарование. Крутить романы было решительно не с кем. Отдыхающие в «Огнях» мужчины были немолоды, обременены семьями. А пара молодых людей из Москвы, что в день приезда приглянулись Юдиной, на деле оказались жалкими безмозглыми пьянчужками. Дорвавшись до дешевого вина, они керосинили, сутками не вылезая из номеров. А ночами покупали у местного истопника трехлитровые банки портвейна, украденного с винного завода. К исходу второй недели неразборчивая в связях, отупевшая от однообразия жизни Вероника решила на отчаянный шаг. Сошлась с местным жителем, водилой, доставлявшим на своем «Москвиче» из Дербента мясо и моро-

женных кур. Вскоре Вероника пожалела о скороспелом решении. «Как мужчина он, конечно, ничего себе, – подвела неутешительный итог Вероника. – Ему надо часто и подолгу. То есть слишком часто, слишком долго. Но во всем остальном – он просто животное. Грубый, неотесанный. Просто извращенец поганый. Кретин. Знает по-русски десять слов. Одно слово – „трахаться“. Остальные – матерные. Но могу тебя познакомить с приятелем этого водилы. Он вроде ничего». «Не надо меня ни с кем знакомить, – ответила Юдина. – Южане – не моя мечта». «Мечта любой женщины – доверчивый лопухий старик, спящий на мешках с деньгами. И национальность тут ни при чем», – поправила Вероника. Юдина не осуждала подругу, но сама подобными связями брезговала. А мысли о богатых стариках никогда в голову не приходили.

Отдых окончательно испортился, когда Вероника получила из Москвы срочную телеграмму. Брат сообщал, что мать тяжело заболела, врачи подозревают худшее. Вероника достала билет на поезд и в тот же день уехала. Юдиной оставалось жевать дешевые фрукты, купаться в море и считать дни до отъезда. Но дни тянулись бесконечно долго. Море почему-то уже не радовало, фрукты не лезли в горло. Но хуже всего – эти местные мужики. Горцы, одетые в черные брюки и рубашки с длинным рукавом, в кепках из толстого букле могли часами неподвижно стоять посреди пляжа. Без стеснения разглядывать полуобнаженных женщин. Взгляды были пристальными, очень внимательными, похотливыми. Бесстыдные глаза лезли под юбку, под купальник. Мысленно мужчины снимали с женщин то небольшое, что закрывало интересные места. И черт знает, что у них на уме, что они там себе воображают, какие мысли и образы рождаются в их насквозь испорченных протухших мозгах, под узкими лбами. Когда опускался вечер и пляж пустел, горцы, похожие на черных тараканов, куда-то расползались, чтобы на следующее утро снова встать дозором на пляже. Редкие походы в город, на рынок или в магазины заканчивались плохо: бесцеремонными приставаниями аборигенов к одинокой миловидной женщине и похабными предложениями купить любовь за деньги. С отъездом подруги существование Юдиной совсем испортилось, она даже подумывала, не вернуться ли в Москву на недельку пораньше. И вернулась бы, но в Москве Елену Ивановну никто не ждал. Несмотря на разгар сезона, в санаторном корпусе, где жила Юдина, пустовало множество номеров. Шаги в коридоре второго этажа, ночной скрип половиц, Юдина воспринимала как скрытую угрозу, как опасность. Казалось, что от этих горцев можно ждать самого худшего, какой-нибудь подлости, низости. Ночами было жарко и душно, но Юдина закрывала балконную дверь, а дверь в коридор запирала на замок и подставляла кресло.

– Да, я смотрю, жизнь тут у вас совсем кислая, – подвел итог Стерн. – Но все можно поправить.

– Вы так думаете? Может быть, это подарок скупой судьбы, что накануне отъезда встретился этот симпатичный милый человек? – спросила себя Юдина. И не стала отвечать, потому что уже знала ответ. Потому что все для себя решила.

– Может, пройдемся? – спросил Стерн.

Елена Ивановна посмотрела на него долгим странным взглядом. Сейчас слова были не нужны. Он прочитал в глазах новой знакомой весь сценарий будущего вечера и ночи. Юдина поднялась, побросала вещи в пляжную сумку. Идти пришлось недалеко. До того шашлычника, что торчал возле пляжа. Сели на плетеные стулья, под тентом. Стерн отошел и вернулся с шашлыками и двумя бутылками самого дорого вина. Сейчас он, не жалея, тратил деньги, вырученные за часы. Он был уверен, что к утру завтрашнего дня его материальное положение поправится. И с деньгами проблем уже не будет.

Обед, плавно переходящий в ужин, продолжился в номере Юдиной, довольно просторном и по здешним меркам комфортном. Здесь было все, что нужно курортнику: большая мягкая кровать, телевизор, за дверью небольшая кухня, где помещался стол, электрическая

плита, пара табуреток и даже гладильная доска с электроутюгом. Стерн купил вина, шампанского и фруктов. Когда с гор спустились первые сумерки, Елена Ивановна пересела с кресла на мягкую кровать. Стерн, уже раздетый по пояс, сел рядом, помог Юдиной расстегнуть застежку платья. – Кажется, я слишком много выпила, – сказала Юдина.

– Это не имеет значения, – Стерн нежно уложил хозяйку на спину, помог ей раздеться. – Сегодня мы ляжем в постельку пораньше.

Он поцеловал Юдину в губы. Глубокий чувственный поцелуй.

Через час, когда Юдина заснула, Стерн включил телевизор. Сел у экрана, убавил громкость, чтобы не разбудить хозяйку. Он до конца просмотрел выпуск местных новостей, который транслировали из Махачкалы. Седовласый телевизионный диктор сказал, что вчерашним вечером в городском пригороде правоохранительные органы провели силовую акцию в отношении банды похитителей людей. Все бандиты погибли в перестрелке с сотрудниками правоохранительных органов. Стерн усмехнулся.

– Погибли, – прошептал он. – Все, но не все. Я-то жив.

Телевидению и газетам Стерн не верил, но сейчас для недоверия не было веской причины. Убиты все... Тем лучше. Это были негодные люди, полные пустых амбиций, не умеющие делать свою работу профессионально. Они не стоили тех денег, которые им платили.

Натянув трусы, Стерн вышел на балкон, присел на подоконник. Через громкоговоритель объявили о начале ужина. Вдоль дорожки зажгли декоративные фонари, какой-то парень прикрепил кнопками к доске объявлений исписанный крупными буквами лист бумаги: в летнем кинотеатре сегодня крутят комедию, после кино – танцы. В соседнем корпусе начиналась гульба. Двое мужчин средних лет и совсем юные девушки из сегодняшнего заезда, заняли соседние, через стену, номера на втором этаже. Сейчас друзья набились в один из номеров, заставили бутылками журнальный стол. На всю катушку врубили магнитола, стали совершать под музыку корявые телодвижения, называемые танцами. Похоже, компания не собиралась расходиться, пока не выпито все спиртное до последней капли. На левом балконе третьего этажа курил тот самый дядька, что баловался мобильным телефоном на пляже. Стерн поднялся с подоконника, прошел в номер. Сел на край кровати. Здесь было слышно, как в соседнем корпусе наяривает музыка, а громкоговоритель созывает отдыхающих на ужин. Юдина ничего не слышала, она спала, забыв все страхи и волнения. Подложив ладонь под щеку, дышала тихо, почти неслышно. Из-под простыни высывалось голое загорелое плечо, по подушке разлетелись темные волосы. Стерн лег на кровать рядом с женщиной, обнял ее за талию. Он решил, что несколько часов хорошего сна сейчас не помешают.

* * *

Стерн проснулся глубокой ночью. В соседнем корпусе выключили музыку, потушили свет. Над морем встала светлая луна. Натянув на себя майку и шорты, Стерн рассовал по карманам те мелочи, что нужно взять с собой. Стоящие под кроватью сандали трогать не стал, решив, что продукция артели инвалидов «Трудовой резерв» не самая удобная обувь. Зашел на тесную кухню, включил свет. Сев за стол, распрямил конторскую скрепку, при помощи перочинного ножа завернул ее конец крючком. Вышел в коридор, неслышно прикрыв за собой дверь. Спустился по лестнице на первый этаж. Холл освещала тусклая настольная лампа, стоящая на столе дежурного администратора. Самого администратора давно сморила дремота, и она отдыхала в комнате для служебного персонала, поставив раскладушку перед распахнутым настежь окном. Стен вышел в стеклянный предбанник, подергал входную дверь: заперта. Вернувшись в холл, покопался в письменном столе. Запустив руку в верхний ящик, нащупал ключ от корпуса, пристегнутый кольцом к деревянному брелочку. Стерн открыл дверь, вернул ключ на место. К соседнему зданию прошел не дорожкой, а

напрямик, через газон и цветочную клумбу. Сухая трава щекотала пятки. Заранее наметив путь к цели, Стерн не стал искушать судьбу, пытаясь проникнуть в здание через главный вход. Зачем переть напролом, если существуют обходные маршруты? Он остановился перед балконом первого этажа, поставил ногу на цоколь, схватился за перила балкона, подтянулся, хватаясь одной курой за стену. Встав ногами на перила, Стерн вытянулся во весь рост, поднял вверх одну руку, ухватил поперечную перекладину верхнего балкона, оторвал от стены вторую руку. И на минуту, стоя на цыпочках, держась за перекладину верхнего балкона, замер, прислушался. Показалось, что в номере первого этажа слышались какие-то шорохи, будто по разошедшемуся паркету прошел человек, волочащий за собой большую ногу. Почудилось, – решил Стерн. Он подтянулся на руках, забросил одну ногу на карниз балкона второго этажа, поднялся в рост. Перекинул ногу через поручни. Через пару секунд он стоял на балконе второго этажа. В этом самом номере прошлым вечером гуляла компания, прибывшая из Москвы. Дверь распахнута настежь, шторы и тюлевые занавески не задернуты. В комнату проникал лунный свет. Стерн переступил порог, остановился, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте. Обстановка здесь такая же, что и в номере Елены Ивановны. Кровать, тумбочки, застекленный буфет с недорогой казенной посудой, телевизор. И еще журнальный столик, плотно заставленный пустыми бутылками из-под вина, стаканами, плошками, полными каких-то объедков. Посередине постели на спине лежит совершенно голый мужчина. Разметав руки по сторонам, он похрапывал и причмокивал губам, переживая во сне удовольствие вчерашнего вечера. Высокий рыхлый живот в такт дыханию мерно поднимался и опускался, бедные ляжки светились лунной голубизной. С края кровати, подогнув колени к животу и завернувшись в простыню, притулилась девчонка. Дышит тихо, почти бесшумно. Стерн шагнул к тумбочке. Теперь его и спящего мужчину разделяло расстояние вытянутой руки. Вчерашним вечером курортники покупали вино здесь, на территории санатория, в палатке. Значит, деньги далеко не убирали, не прятали в чемодан. Стерн выдвинул ящик тумбочки, обшарил его одним движением. Ничего, кроме засаленной колоды карт. Стерн повернулся к кровати спиной, неслышными кошачьими шагами подошел к стулу, стоящему посередине комнаты, точно под плафоном люстры. Взял в руки женскую сумочку, потянул застежку «молнии». Кожаный кошелек оказался плотным, приятным на ощупь. Расстегнув клапан, Стерн вытащил стопку крупных купюр, сложенных пополам, сунул деньги в карман. Паспорт трогать не стал, положил сумочку на место. Так, с девушкой он разобрался. Теперь остается ее клиент. Шагнул ко второму стулу, Стерн ощупал карманы брюк, висящих на спинке. Ничего интересного. Скомканные в шарик билеты на автобус, полупустая пачка сигарет. Стерн уже хотел пройти в прихожую, чтобы проверить оставленные там вещи. Но тут взгляд зацепился за плоский темный предмет, лежавший на буфете. Барсетка.

Стерн сделал два шага вперед. И неожиданно задел ногой пустую бутылку, лежавшую на полу в тени стула. Бутылка, вращаясь, отлетела в сторону. Ударилась горлышком о ножку журнального столика. В прозрачной ночной тишине звук получился громким, смачным. Продолжая вращаться на скользком паркете, бутылка еще раз задела столик и откатилась под кровать. Спящий мужчина заворочался, сложил руки на груди, перевернулся со спины на бок. Стерн сорвался с места, в два прыжка достиг буфета, встал за него. Вжался спиной в стену. Мужчина тихо застонал, беспокойно задвигался. Девушка тоже зашевелилась. Стерн, стоя за буфетом, не видел того, что происходит на кровати. Он слышал скрип матрасных пружин, тихую возню. Стерн сунул руку в карман шортов, зажал в кулаке рукоятку перочинного ножа. Нож тяжелый, такая штука в кулаке, неплохое оружие ближнего боя.

– Игорь? – женский голос звучал громко, словно пожарный набат. – Игорь, ты спишь?

Послышалось причмокивание, скрип пружин.

– Чего тебе? – мужской голос звучал сонно.

– Ты слышал?

– Чего слышал? Дай поспать.

– Мне показалось... Какие-то шаги. Тень мелькнула.

– Да, тень отца Гамлета, – мужчина зевнул во всю глотку, выпустив из груди звериный рык. – Старик вылез из могилы, чтобы тебя за теплое место ущипнуть. – Правда. Честное слово.

– Да заткнись ты, наконец. Спи.

Стерн на секунду закрыл глаза. Если мужчина поднимется с кровати, попробует зажечь верхний свет, остается возможность вырубить его, еще сонного, не готового к активному сопротивлению, в несколько ударов. А заодно уж навернуть по репе и девчонке. Чтобы следующей ночью спала крепче.

Но это самый никудышный, самый тухлый вариант. Бог с ними с деньгами, не в них проблема. Стерн останется без документов, которые, несомненно, лежат в барсетке. Из Дагестана он не выскочит без чистой ксивы. Тормознут на вокзале, в аэропорту, просто на улице. А когда еще представится шанс заполучить ксиву... Большой вопрос. Кроме того, в корпусе может подняться шум, и черт его знает, чем кончится дело. Да, могут возникнуть осложнения, не предусмотренные программой. – Игорь, мне страшно. Что-то скрипит. Будто кто-то ходит в комнате. – Отстань, дура.

Стерн стоял у стены, слушал удара сердца, сжимал в кармане рукоятку ножа. Он был готов выскочить из своего укрытия и дальше действовать по обстоятельствам, но все обошлось. Жара, духота, на лбу высыпали капли пота. Но Стерн, боясь пошевелиться, не мог стереть пот ладонью. Возня на кровати прекратилась. Через три минуты мужчина мирно запыхтел. Его дама поворочалась и тоже затихла. Стерн отступил от стены, потянулся рукой к барсетке. Зажав ее под мышкой, прокрался на балкон, расстегнул «молнию». Добрый улов. Паспорт, толстая пачка денег, какие-то бумажки. Стерн вжал живот в себя, сунул под ремень шортов барсетку. Повезло один раз, повезет и другой. Глупо сейчас уходить.

Он сделал шаг к стене, поднял ногу, перебрался через поручни, встал на карниз и очутился на соседнем балконе. В этом номере жила вторая московская парочка. Из-за духоты балконную дверь не закрыли, Стерн спокойно вошел в номер, ступая на цыпочки. Но паркетная доска предательски громко скрипнула под ногой. Стерн замер.

* * *

В соседнем номере Игорь, разбуженный молодой любовницей, так и не смог снова заснуть. Теперь и ему сквозь дремоту чудились какие-то шумы, тихие шаги. Да еще мучила сухость в горле. Он открыл глаза, сел на кровати. Протянул руку, нашел на столике бутылку минеральной воды. Присосавшись к горлышку, сделал несколько глубоких глотков. И тут услышал скрип. Игорь хмыкнул, решив, что верхнему соседу не спится. Он бродит по номеру, двигает кресло, не зная, чему посвятить долгие бессонные часы. Игорь нащупал на столике пачку сигарет и зажигалку. Сунув ноги в шлепанцы, поднялся, вышел на балкон. Поставив локти на поручни, он прикурил сигарету и стал вслушиваться в звуки ночи. В голову полезли мысли о паршивом вине, выпитом накануне. Он поклялся себе больше в рот не брать портвейна и здешнее кислое пиво. Минуту Стерн стоял посередине номера, водил головой по сторонам, решая, как быть дальше. Видимо, Игорь из соседнего номера проснулся и вышел с сигаретой на балкон. Ветер доносил шарканье тапочек по кафелю, запах ароматизированного табака. Стерн шагнул вперед. Останавливаться сейчас нельзя. Нужно довести задуманное до конца, а там видно будет. Мужчина и женщина лежала на кровати, накрывшись одной большой простыней цветастой, с абстрактным рисунком. Надо думать, не казенной. Дождавшись, когда с балкона исчезнет только что обворованный им человек, Стерн принялся за дела. Теперь в его движениях было больше уверенности. Муж-

ской бумажник нашелся в кармане сложенных на стуле джинсов, но паспорта в штанах не оказалось. В женской сумочке Стерн обнаружил кошелек, открыл его и сунул его на прежнее место. Денег мало, не стоит пачкаться о такую мелочь. Стерн отошел в угол, к стенному шкафу, потянул на себя ручку. Петли заскрипели. Стерн оглянулся назад. Любовники мирно спали на кровати. Черт с ним, со вторым паспортом, – решил Стерн. Скорее всего, документы лежат в чемодане, задвинутом под кровать. Но вытягивать чемодан слишком рискованно. Стерн неслышными кошачьими шагами прокрался в прихожую, повернул замок, распахнул дверь, шагнул в коридор. Осмотрелся по сторонам. Неслышно прикрыл за собой дверь. По лестнице поднялся на третий этаж. Свет в коридоре не горел, но Стерн без труда вычислил номер, в котором живет владелец сотового телефона. Присев на корточки возле двери, вытащил из кармана скрепку с крючком на конце и пилку для ногтей. Инструмент не самый лучший, но и замок на двери примитивный, копеечный. Спустя десять минут Стерн вышел на воздух через главный вход. Дежурного администратора, разумеется, не было на месте. Ключ от корпуса торчал в двери.

* * *

На пляже хозяйничал ветер, жизнь здесь не заканчивалась и ночью. Стрекотали цикады, ветер гнул колючие кусты, поднимал песок. Чайки приземлялись на воду, снова поднимались вверх, пересекая полосу прибоя, летели в сторону моря и возвращались обратно. Луна на пляже светила так ярко, что человеческую фигуру можно заметить издали. Стерн сел на теплый песок, вытянул ноги. Вытащив из-за пояса барсетку, пересчитал деньги, сложил с теми деньгами, что были рассованы по карманам. Если мерить аршином рядового обывателя, получилась весьма приличная сумма. Он переложил в карман документы, визитные карточки и еще кое-какую муру, которая может пригодиться. Не вставая с места, разрыл ладонями ямку, закопал барсетку. Вытащил трубку мобильного телефона, ввел индивидуальный код, затем международный номер и номер абонента. Трубку сняли после первого звонка, будто человек на другом конце линии не спал, ожидая звонка.

– Зураб, это ты? – спросил Стерн. – У меня плохие новости.

– Я уже все знаю, – в трубке звучал хрипловатый баритон с характерным кавказским акцентом. – Передали, что в перестрелке погибли все люди до единого. Все. Но я не поверил. Я рад, что ты жив. Ты можешь говорить спокойно. Эта линия защищена от прослушки.

– Стопроцентно защищенных линий не существует, – возразил Стерн. – Это Хапка привел на хвосте волков из ФСБ. Видимо его выследили в городе. За домом наблюдали. Но я предвидел такой вариант. Только поэтому я жив.

– Ты еще там, на месте?

– Скоро меня здесь не будет, я направляюсь в большой город, – ответил Стерн. – Я звоню, чтобы сказать главное. Все, о чем мы договорились, будет сделано. В установленные сроки.

Зураб молчал целую вечность.

– Ты не сможешь один выполнить все это, – наконец, сказал он. – Одному человеку это не под силу. Тебе потребуются помощники. По крайней мере, три-четыре человека. Время еще есть. Я могу прислать хороших специалистов...

– Не надо, – оборвал Стерн. – Я же сказал: все сделаю, как договорились. Достаточно одного помощника. И такого человека я найду. Но гонорар получу за всех покойников. Половина денег сейчас, остальное – по окончании работы. Я позвоню в банк через три-четыре дня, узнаю, переведены ли деньги на мой счет. Если тебя устраивают условия, я начинаю действовать.

– Устраивает, – сказал Зураб. – Вполне. Ведь сума гонорара не возрастает. А делить его на пятерых или получать одному... Ну, для нас разницы нет. Говори, что еще нужно?

– Деньги и документы сгорели в той хибаре. Адрес человека, который поможет с бумагами, у меня есть. Но без денег... Нужно сделать крупные покупки. Тысяч пятьдесят долларов на расходы должно хватить.

– Хорошо, – ответил Зураб. – Когда попадешь в большой город, воспользуйся тем самым каналом связи. Мой человек заберет деньги из надежного места и доставит тебе. – Сколько времени нужно твоему человеку, чтобы привести деньги? – С момента получения твоего сообщения, – Зураб задумался. – Два часа, не больше. Ну, на всякий случай пусть будет три часа. Мой человек будет наготове. Место встречи старое. Что еще я могу сделать?

– Нужно проследить, чтобы груз прибыл, куда надо. Без опозданий, к сроку. Ты знаешь, о чем я говорю. Вагон я встречу и получу товар на станции. По накладным.

– Насчет груза – само собой, – сказал Зураб. – Прибудет без опозданий. Как договорились. Еще что-то?

– Пока все. Постараюсь позвонить дня через три. Но возможны задержки.

– Не рискуй понапрасну, – сказал Зураб.

Стерн нажал кнопку отбоя, поднялся на ноги. Широко размахнулся, бросил мобильный телефон в набежавшую плоскую волну и зашагал обратной дорогой.

* * *

Оказавшись в номере Юдиной, он долго стоял у постели и разглядывал спящую женщину. Словно хотел убедиться, что она действительно спит, а не притворяется. Взяв свой пакет, Стерн прошел на кухню, включил верхний свет, плотно закрыл дверь, задвинул щеколду. Вытащил из кармана украденный паспорт, полистал страницы. Не вредно познакомиться с анкетными данными человека, если его биография становится твоей биографией. Игорь Павлович Куприянов, сорока двух лет от роду, дважды разведен, есть ребенок тринадцати лет. Родился и прописан в Москве на улице Машиностроения. А вот и полтора десятка визитных карточек, что Стерн выудил из барсетки. Оказывается, гражданин Куприянов работает менеджером по закупкам сырья и оборудования фирмы «Оникс – Плюс». Выложив на стол из сумки фотографии, школьную ученическую тетрадку и клей, Стерн приступил к работе. Он воткнул в розетку штепсель утюга, вырезал квадратик промокательной бумаги под размер фотографии. Разложил паспорт на столе так, чтобы страница с фотографией оказалась перевернутой. На обратную сторону странички положил кусок промокашки нужного размера. Налил в чашку воды, покапал водой на бумагу, чтобы та, как губка, впитала влагу, но не расплзлась. Затем поставил на промокашку разогретый утюг. Через пару минут фотография Куприянова легко отлепилась от паспорта. Утюгом Стерн высушил паспорт, размазал клей по своей фотографии, аккуратно вклеил ее на нужное место. Затем снова смочил водой паспортную страницу, склонился над ней. Острием ножика и монетой долго выдавливал что-то напоминающее на оттиск печати. Через час Стерн свернул лавочку. Спрятал все вещи в бумажный пакет. Выключил на кухне свет. Занималась голубая утренняя заря, когда Стерн, утомленный ночными хлопотами, растянулся на кровати и мгновенно заснул.

Глава пятая

Пригород Дербента. 24 июля.

Утром Елена вернулась с завтрака с опозданием, в начале одиннадцатого. Стерн, недавно проснувшийся, успел привести себя в порядок и проголодаться. Выложив из холодильника на кухонный стол все продуктовые запасы, он нарезал бутербродов и выпил первую чашку растворимого кофе. Переступив порог кухни, Юдина наклонилась, чмокнула Стерна в щеку. Села к столу и стала наблюдать, как мужчина поглощает остатки ее съестных запасов.

– Ничего, что я тут немного похозяйничал? – запоздало вспомнил Стерн.

– Ешь, ни о чем не думай. Я сегодня улетаю. Не пропадать же добру? Ты представляешь, на завтраке объявили, что обокрали четырех москвичей из соседнего корпуса. Двух женщин и двух мужчин.

Стерн сделал удивленные глаза.

– Ночью забрались сначала в один, затем в другой номер и все вытащили. Документы, деньги... Все, до копейки. А хозяева в это время спали, даже не проснулись. Только вчера приехали. Ну, те самые, которые вечером громко музыку заводили. Хотели здесь месяц отдохнуть – и вдруг такое несчастье.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Стерн. – До чего дошли. Подлецы, негодяи. Сонных людей обворовывать.

– На завтраке пустили по кругу шляпу. Скинулись, кто сколько может.

– Конечно, надо людям помочь, – согласился Стерн. – А как же.

Про себя он подумал, что кошелек одной из женщин остался нетронутым. И денег там наверняка наберется на опохмелку добрым молодцам и на телеграммы в Москву. Чтобы родственники выслали пострадавшим, так сказать, материальную помощь. Не тут-то было, надо шапку по кругу пускать, как нищим. Вот же люди. Тот пожилой мужик, у которого ночью исчез сотовый телефон, не стал орать на каждом углу о своей пропаже и бегать по столовой со шляпой. И правильно. – Кого-то подозревают? Милицию вызвали?

– Вызвали, – кивнула Елена. – Обещали приехать к обеду. Но что толку? Ищи теперь ветра в поле.

– Это точно, – согласился Стерн.

– Жалко людей.

– Да бог с ними. С голоду не умрут. Я хотел сказать тебе вот что. Только ты не удивляйся. Вчера я назвался Володей. На самом деле меня зовут Игорем. Хочу, чтобы ты все поняла правильно. Стерн выдержал долгую паузу.

– Понимаешь, я не самый везучий и не самый счастливый человек на земле. Вчера я назвался именем своего приятеля, которому в жизни везет куда больше, чем мне. Сделал это из суеверных соображений. Очень хотелось с тобой познакомиться. Вот так. Ты простишь мне эту маленькую ложь?

Стерн склонил повинную голову.

– Прощу, – Елена погладила рукой коротко стриженный затылок Стерна. – Игорь. Игорек... Я тоже суеверна. Я тебя понимаю.

– И уж, поскольку мы начали, – Стерн нахмурился, желая показать, что разговор дается ему трудно. – Я хочу немного рассказать о себе.

Перемалывая зубами бутерброды с сыром и сухой колбасой, Стерн поведал Елене Ивановне только что сочиненную историю взаимоотношений Игоря Куприянова с представителями противоположного пола. Первый брак был банальной ошибкой юности. Он женился просто сдуру, как в омут нырнул, еще не осознав себя настоящим мужчиной, не найдя своего

места в жизни. Этот ранняя женитьба, кажется, состояла лишь из одних житейских проблем: копейное студенческое существование, жизнь на съемной квартире, случайные приработки. Лодка любви, перегруженная проблемами быта, дала трещину и благополучно пошла ко дну. Теперь он вспоминает о том первом неудачном опыте с легкой грустью.

Повторно Игорь Куприянов женился, будучи уже зрелым человеком, специалистом с высшим образованием. И опять ему не повезло. До брака он, наивный, неискушенный человек, слишком занятый служебными делами, не смог разглядеть в своей будущей жене тупую и злобную мещаночку со страстью к накопительству. Жену не интересовало в жизни ничего, кроме денег. Куприянову приходилось пахать как проклятому, брать работу на дом, проводить бессонные ночи за письменным столом. Но денег все рано не хватало. Жизнь отравляла и патологическая ревность супруги, которая могла закатить сцену по любому, самому ничтожному поводу и без него. Рождение ребенка не исправило этой женщины. Ссоры и скандалы в семье продолжались беспрерывно. «Давай деньги, – кричала жена так громко, что соседи, разбуженные ее ночными воплями, стучали в стену. – Ты не мужик. Ты не умеешь зарабатывать. Повторяю: давай мне деньги. Или ты относишь всю зарплату той лярве, с которой трахаешься на работе? Все отдаешь ей? Все? Поэтому в семью деньги не попадают? Так или нет?». И дальше в том же роде. Куприянов хватался за голову и запирался в ванной комнате.

В конце концов, он, измученный скандалами, потерявший покой и сон, собрал пожитки и ушел из дома. Годом позже оформили развод. Он скитался по чужим углам, жил у друзей. Удалось накопить некоторую сумму, чтобы внести первый взнос за новую квартиру. Недостающие деньги занял по частям. Сейчас в его однокомнатной берлоге в районе Крылатского заканчивают ремонт. Через месяц, а то и раньше, он переселится в новую квартиру. Закончив рассказ, Стерн, довольный собой, дожевывал бутерброд. Влюбить в себя женщину или вызвать в ней искреннее чувство сострадания – это почти одно и то же. Хорошую он сочинил историю, жизненную, даже поучительную, выжимающую слезу. Прозу столь высокого художественного уровня не стыдно напечатать в журнале «Работница». Елена, чуть не до слез расстроганная, придвинула ближе табурет, провела ладонью по щеке Стерна.

– Беденький. Сколько лишений тебе пришлось вынести. Как ты настрадался за жизнь.

Стерн подумал, что женщины, не в пример мужчинам, умеют быть жестокими, хитрыми и коварными, когда этого требуют обстоятельства. И в то же время доверчивы, словно дети. Глодают всякую ахинею, высосанную из пальца. Верят рассказам первого встречного проходимца. Черт поймет женскую породу. Сколько живешь на свете, не перестаешь удивляться на этих баб.

– Я не жалуясь, – ответил Стерн. – Ведь теперь все плохое позади. В жизни иногда везет даже таким законченным неудачникам, как я. Вот тебя встретил... Кстати, когда вылет самолета?

– В пять вечера из Махачкалы. Через два часа придет автобус. Мне так не хочется с тобой расставаться...

Стерн сделал протестующий жест.

– Мы не расстанемся. Я полечу в Москву вместе с тобой.

– Но как же твои вещи? – Елена округлила глаза. – Но ты не успеешь забрать вещи из своего дома отдыха. – Подумаешь, – усмехнулся Стерн. – Они слова доброго не стоят. Несколько полотенец, бельишко. Тряпки на выброс.

– Но, возможно, не получится с билетами. – Получится, – сказал Стерн. – Возьму с переплатой. Как говорят пассажиры такси, дам двойной счетчик.

– Но зачем же тратиться? У тебя и так большие расходы. Этот ремонт, алименты...

– Деньги не проблема. Особенно, когда дело касается тебя. Любовь – святое чувство, а ты говорить о каких-то деньгах. Прямо как моя бывшая жена. Тебе не стыдно?

– Стыдно, – Юдина расплылась в улыбке.

Юдина, немного смущенная и растерянная, не нашла новых возражений. По правде, ей не хотелось спорить. Господи, они вместе летят в Москву. Значит, это не просто скоротечный курортный романчик, печальный финал которого предрешен. Сердца сладко сжалось. «Любовь», он произнес слово «любовь».

– Ты серьезный человек, – сделала вывод Юдина. – Мой бывший муж, то есть человек, с которым... Короче, он был совсем другим. Кажется, вообще не умел разговаривать серьезно. На любое мое слово он находил остроты, которые казались смешными. Правда, только ему одному. Однажды он так с усмешкой сказал, что уходит от меня навсегда. Потом много раз возвращался, просил прощения, острил. И снова куда-то пропадал.

– Я не такой, – покачал головой Стерн. – Я выполняю все свои обещания. И доведу начатое до конца.

Через час Юдина и Стерн, тащивший два увесистых чемодана, перешли качающийся мост через овраг. Они напоминали не легкомысленных курортных любовников, а добродетельную семейную пару, возвращавшуюся домой из отпуска. С другой стороны моста топтался, ожидая милицескую машину, обворованный Игорь Куприянов. От жары и выпитого накануне вина его мутило, пот катил градом, в рот попадали пыль и песок, а ментов и в помине не было. Последними словами Куприянов клял себя за то, что приехал в эту проклятую дыру, где нет ничего, кроме этих песчаных барханов, колючих кустов, горячего моря, нестерпимой жары. И еще этой забористой бормотухи, дарящей человеку совершенно непоправимое мучительное похмелье. С головной болью, сердцебиением, тряской рук и ног.

Игорь проводил парочку долгим тоскливым взглядом. Уезжают, счастливики. А Куприянову в этой душегубке, где от воров нет никакого спасения, целый месяц париться. И еще с милицией отношения выясняй. Пиши заявления, давай показания... Этот маразм называется одним емким словом – отпуск. Тем же вечером самолетом «Аэрофлота» Стерн и Юдина вылетели из Махачкалы и благополучно приземлились во Внуковском аэропорту. Еще во время перелета Елена пригласила своего нового друга пожить у нее дома, в Сокольниках, пока на его квартире рабочие заканчивают ремонт. Стерн ждал этого приглашения.

* * *

Пригород Махачкалы. 25 июля.

Все утро Колчин и майор Миратов провели на пепелище той злосчастной хибары. Солнце поднялось в зенит и палило так нещадно, что под его лучами человеческие мозги превращались в подгоревшую гречневую кашу. Десяток милиционеров, выставленных в оцепление вокруг участка, торчали в тени деревьев, изнывали от жары и часто присасывались губами к фляжкам с горячей водой. Но вода не утоляла жажду. Вооружившись тонким железным прутиком, Колчин побродил по участку, натываясь на поломанные стебли винограда, бумажный мусор и россыпи автоматных гильз. Повязку с левой руки он снял еще в гостиничном номере, и теперь ушибленное предплечье выглядело пугающе, отливало желто-черным тонами, будто у Колчина стремительно развивается гангрена, и от ужасной болезни уже нет спасения. Он заглянул в сарай, потерял кучу истлевших тряпок, передвинул с места на место ящики с молодой картошкой. Перевесил связки чеснока. Поднял крышку дубовой бочки, наклонился, втянул в себя запах сырой плесени. Миратов со скучающим видом бродил за Колчиным. Майор не мог понять, что они делают на пепелище, зачем терпеть такие муки, если можно провести время в рабочем кабинете, оборудованном кондиционером.

– Слушай, сыщик, – Миратов тронул Колчина за плечо. – Давай завязывать с этой бодягой. Я снимаю оцепление.

– Валяй, – кивнул Колчин.

Миратов, довольный, что и его талантам нашлось практическое применение, пошел распорядиться, чтобы милиционеров отвезли в город на базу. Колчин, закончив с сараями, пересек двор и стал бродить между устоявших саманных стен хижины, закопченных, в густом налете сажи, с выбоинами от пуль. Время от времени он останавливался, прутом переворачивал головешки, брел дальше и снова останавливался. Вчера здесь поработали эксперт-криминалист Драгин и бригада взрывотехников. Эти весь день шарили по сараям и погребам, проверяли, нет ли по подворью новых сюрпризов: растяжек, мин-ловушек. Но все обошлось. Драгину удалось обнаружить в одной из комнат, под обугленными половыми досками останки обгоревшего чемоданчика. Он сказал, что в кейсе хранилась валюта, довольно крупная сумма в сто долларовых купюрах, два десятка паспортов и еще какие-то бумаги. Деньги превратились в золу, паспорта обгорели. Возможно, экспертиза установила бы, на чье имя выписаны документы, воскресила их серии и номера, но подоспевшие пожарные обильно пролили водой дымящиеся угли. Влага попала и в тот чемоданчик, доделав то, что не сделало пламя. Горячий пепел рассыпался. Однако маленькая зацепка осталась. В чемодане лежала записная книжка с кожаном переплете. Книжка тоже сильно повреждена огнем, а пепел уничтожен водой, но чудом сохранились две последние странички. Ни телефонов, ни имен, ничего такого, что помогло бы следствию. В книжку автор записывал стихи, собственного сочинения или чужие. Для следствия эти стихи – не великий подарок, но все все-таки лучше, чем ничего. Закончив работать на пепелище, Драгин выехал к разбитой «Ниве», снял пальцы, оставшиеся в салоне и на кузове автомобиля. Вещественные доказательства, запакованные в герметичный контейнер, сегодня утром самолетом отправили в Москву. Тем же бортом в сопровождении дагестанских оперативников в столицу вылетел Виктор Анисимов. После ночного допроса он едва передвигал ноги, впал в прострацию и перестал слышать на правое ухо. Доктор Луков, осмотревший этого кренделя перед отлетом, сказал, что глухота – явление временное, слух вернется через недельку-другую. Внутренние кровоизлияния на теле не видны, а следы побоев почти не заметны. И вообще, Анисимов свеж, как огурец. С таким хлопцем не стыдно в самолете прокатиться. Связавшись с Москвой, Колчин выпросил еще два дня командировки. «Привыкай быть честным человеком, – проворчал в трубку полковник Шевцов. – Так бы и скажи: я еще в море не накупался. И еще ни одну девчонку не пощупал». «Вот я честно и говорю: это море я только один раз и видел. А насчет девчонки, – Колчин, опустив взгляд, уставился на ушибленную руку. – Насчет девчонки я так скажу: щупальщик из меня сейчас никудышный». Шевцов, разумеется, не поверил ни единому слову Колчина, но разрешил остаться в Махачкале еще на пару дней. ... Колчин остановился возле оконного проема, перед которым стоял черный остов железной кровати. Кроны фруктовых деревьев с задней стороны дома обгорели, листья пожелтели и свернулись в желтые сухие трубочки. Отсюда было слышно, как на улице, за сломанным забором, заработал двигатель «Урала», офицер дал команду милиционерам залезать в кузов грузовика. Миратов вернулся, встал за спиной Колчина.

– О чем думаешь?

– Стараюсь восстановить картину ночных событий, – Колчин повернулся к Миратову. – Стерн бежал отсюда в шортах и майке. Захватить с собой документы или деньги у него не было возможности. Пожар подступал сразу с двух сторон: с крыши и вот из этой комнаты. Потому что сигнальная ракета упала сюда. Колчин ткнул концом прута в панцирную сетку кровати.

– Огонь быстро распространялся. Чемоданчик с документами и деньгами находился вот тут, в тайнике. В двух шагах от места возгорания. Значит, у Стерна не было шанса взять день и паспорт. – И что с того?

– Теперь поставь себя на место Стерна. Ты получил какое-то задание, но все сорвалось еще в тот момент, когда ты не успел пальцем о палец ударить. Мало того, все члены твоей группы нейтрализованы. Документы сгорели. У тебя нет денег, чтобы купить чистую ксиву. Из одежды шорты и майка. Твои действия?

– Я бы лег на дно.

– Где? Как? Ведь на ноги поднята вся милиция и ФСБ. Есть твое словесное описание, составлен фоторобот. – Анисимов предполагает, что Стерн прибыл сюда из Азербайджана, морем. Значит, попробует уйти обратно тем же маршрутом. Другой вариант: он будет выбраться из Дагестана в Ставропольский край или в Калмыкию. Там он на время затаится, достанет...

– Уйти? Выбраться? Это в шортах и майке? Без денег и документов? Ничего не получится. На дорогах милицейские кордоны, плюс солдаты. В морском порту досматривают всех пассажиров.

– Знаешь, что я думаю? – спросил Миратов. – Задержим мы Стерна или нет – не суть важно. Его группа планировала провести громкий террористический акт. Но задание провалено. Стерн не опасен. Сейчас он думает только о том, как спасти шкуру. И рано или поздно мы его возьмем. Это лишь вопрос времени и случая. Главное – мы сорвали планы его группы, его хозяев.

– А если Стерн решит выполнить задание в одиночку? Если он еще не вышел из игры? И не думает выходить? – Значит, он псих. И шансов у него нет. Ни единого.

– И эту возможность мы не должны исключать. В смысле, что он псих. Значит так, сейчас мы поедem в управление, а пока мы туда добираемся, ну, чтобы не тратить время попусту...

– Надо бы перекусить, – вставил Миратов. – А то не жрал со вчерашнего...

– С этим успеется, – поморщился Колчин. – Свяжись по рации с республиканским управлением внутренних дел. В первую очередь нас интересуют кражи, ограбления и вымогательство. Сколько заявлений о пропаже денег или документов поступало от местных жителей или отдыхающих. Нас интересуют преступления с корыстными мотивами, которые произошли в течение прошедших суток и сегодняшнего утра. Имена, фамилии пострадавших. Понятно?

– Понятно, – вяло кивнул Миратов и поплелся к «Волге».

* * *

Махачкала. 25 июля.

К обеду Колчин успел изучить сводку происшествий, что прислали из республиканского управления внутренних дел. За вчерашние сутки и сегодняшнее утро по республике зарегистрировано восемь краж, два убийства, три случая нанесения тяжких повреждений, одно вымогательство и угон транспортного средства. Колчин действовал методом исключения. Кража коровы с личного подворья, поножовщина в придорожном кафе, избивание рыночного торговца – это не почерк Стерна. Оба убийства бытовые, в одном случае алкаши не поделили стакан водки, в другом случае местную потаскушку. Похитители «Жигулей» задержаны и дали признательные показания. Кража носильных вещей прямо с прилавка городского универмага – это еще туда-сюда, вещи Стерну нужны до зарезу. Но ведь не женское же платье сорок четвертого размера. Оставалось еще пара эпизодов, на которые можно обратить внимание. Вчера вечером двадцатилетний турист из Питера некто Токарев избит и ограблен на окраине Избербаша. Колчин поднял трубку, полистал справочник отделов внутренних дел, накрутил номер дежурного по городу и выяснил подробности преступления. Оказалось, собственного туалета в шашлычной, где коротал время Токарев, почему-то

не нет. Посетители вынуждены бегать по окрестностям, искать место, где справить нужду. По тропинке молодой человек спустился на дно песчаного оврага, нашел заросли каких-то кустов и уже расстегнул штаны. Но из темноты его кто-то окрикнул. Парень обернулся и тут же получил по затылку тяжелым предметом, точнее, пустой бутылкой. Пострадавший очнулся только через полтора часа, без денег, без часов и без паспорта. Придя в чувство, он, наконец, облегчился и побежал за милиционерами. Колчин поблагодарил дежурного и положил трубку. В принципе, грабителем мог оказаться Стерн. Но, по словам Токарева, преступников было двое. Один его окликнул, второй злоумышленник, подкравшись сзади, ударил по голове. После минутного раздумья Колчин решил, что паспорт двадцатилетнего юнца Стерну без надобности. Оставался последний вариант: у отдыхающих санатория «Огни Дагестана» украдена крупная сумма в рублях и валюте, а также паспорт на имя жителя Москвы Куприянова, сорока двух лет от роду. Вот это уже ближе к телу. Однако подробности происшествия в сводке не сообщали. Добрых двадцать минут Колчин терзал аппарат, вслушиваясь в короткие гудки и треск телефонных помех, он пытался связаться с управлением внутренних дел Дербента или администрацией санатория. – Легче в Африку дозвониться, чем в эти чертовы «Огни», – Колчин бросил трубку, поднялся из-за стола. – Мы выезжаем в Дербент.

Разомлевший после обеда Миратов, встрепенулся. Вспомнив, что до Дербента пилить более ста километров, а шансы на удачу ничтожны, майор пошел на хитрость.

– Я водителя уже отпустил, – сказал он. – Ему мать на вокзале надо встретить. Старуха приезжает с последним поклоном...

– Тогда поеду автобусом, – пригрозил Колчин.

Миратов скорбно покачал головой, встал из кресла, одернул цветную рубашку, впитавшую с себя запахи пота и копоти пожара.

– Ладно, я готов.

* * *

Пригород Дербента. 25 июля.

До санатория добрались ближе к вечеру, когда солнце окрасилось абрикосовым цветом и собиралось, как спелый фрукт, свалиться на землю, за ближайšie холмы. От долгого неподвижного сидения в «Волге» конечности Миратова так затекли, что он чуть не упал в овраг с подвесного моста. Дорогой майор исчерпал тот малый заряд оптимизма, что еще оставался на дне души после бессонной ночи и долгого жаркого дня. Его темные усы повисли сосульками, мокрая от пота рубашка пошла складками и прилипла к спине. Колчин выглядел бодрее, но по походке было заметно, что и он немного выдохся. После долгих расспросов, нашли директора санатория Руслана Деева и администратора, очень худую престарелую женщину Марию Константиновну Кулькову, одетую в белый застиранный халат с заплатами на локтях. Кулькова вчерашней ночью дежурила во втором корпусе. Директор, низкорослый очень подвижный человек с пышными усами каштанового цвета, суетился, махал руками, не мог найти себе места. Он был совершенно подавлен, до икоты напуган тем, что его скромную здравницу посетили не какие-то там местные менты, свои ребята, падкие до вина и дармового угощения, а серьезные, ответственные люди из ФСБ. Один, с черной ушибленной рукой, так и вовсе из Москвы прибыл. Эти шутить не будут. Значит, ночная кража – дело серьезное. А кто виноват? На кого всех собак повесят? На него, на Деева. Потому что он директор. Так не долго и теплого места лишиться, а то и в тюрьму загреметь. Директор проводил высоких гостей и старуху администратора в свой рабочий кабинет, даже рискнул предложить сотрудникам ФСБ самого лучшего вина и свежего шашлыка. Но получил короткий сухой отказ, после чего еще сильнее занервничал. – Это она виновата, – скороговоркой

повторял Деев и все показывал пальцем на Кулькову. – Оставила пост и пошла по своим делам. Куда ты ночью ходила? К кому ты ходила ночью? С кем ты проводила время? Отвечай, когда тебя спрашивают.

Кулькова, вжавшись в стул, хлопала седыми ресницами, но вопросы директора оставляла без ответа. Наконец, она подняла бесцветные выпцветшие глаза. Посмотрела на Колчина, угадав в нем самого главного начальника, и сказала:

– До половины второго я сидела за столом в холле. А потом пошла вздремнуть. Сон сморил. Моя вина.

– Вот видите, она спала, – взвился Деев. – Оставила вверенный ей пост. И ушла спать. С кем мне приходится работать, боже. Видите...

– У вас тут часто подобное происходит? – спросил Миратов. – Часто людей обворовывают?

– Часто, – кивнул Деев, но тут де спохватился. – Но есть не так уж часто. Так, время от времени. Воруют во всех домах отдыха и санаториях, что на побережье. Во всех без исключения. В этом году курортников мало, доходы мизерные. Нет денег даже забор починить. А люди разные приезжают. Но среди персонала воров нет. Все, как на подбор, люди грамотные, бдительные... Кроме этой.

Он показал пальцем на Кулькову, закипая от возмущения.

– Моя бы воля, я таких к стенке ставил. Что там к стенке... Я бы таких просто вешал на площадях. Голову отрубал. Публично. При большом скоплении народа. Чтобы в следующий раз не дрыхли на рабочем месте.

Колчин решил одернуть кровожадного директора.

– Успокойтесь, Деев, – сказал он. – Смертную казнь у нас отменили. Поспешили, конечно. С вами забыли посоветоваться.

Он вытащил из папки бумажный лист с фотороботом Стерна, составленным со слов Анисимова, протянул директору.

– Вспомните хорошенько. Возможно, этого человека вы видели вчера или позавчера? На правой руке заметные татуировки. Средневековый шлем и рука, скованная кандалами. Рост около ста восьмидесяти. Лет сорок или около того. Среднего сложения.

Деев прищурил глаза, всматриваясь в изображение, и отрицательно помотал головой. Колчин передал фоторобот Кульковой.

– Нет, нее видела, – сказала старуха.

– Где она могла его видеть? – усмехнулся Деев. – Разве что во сне приснился.

Старуха вытащила платок и заплакала.

– Поступим так, – обратился к Дееву Колчин. – Мы переговорим с потерпевшими. А вы обойдите всех сотрудников санатория, покажите им фоторобот. Может, люди что-то вспомнят. Где-то видели этого человека, разговаривали с ним. Далее... Составьте список отдыхающих, у кого вчера закончились путевки. Мне нужны имена тех, кто уехал из санатория. Договорились?

– Договорились.

Деев подскочил с кресла, готовый свернуть горы. Его энтузиазм и желание оказать посильную помощь сотрудникам ФСБ не знали границ.

* * *

В номере Игоря Куприянова пахло прокисшим вином, женскими духами и какой-то вонючей мазью.

После вчерашнего долгого ожидания милиционеров у моста внешность Куприянова сильно изменилась. Физиономия и руки сделались огненно розовыми, будто их обварили

крутым кипятком из чайника. Грудь, живот и безволосые ляжки светились молочной белизной. Куприянов сидел на диване, по грамму выдавливал из тюбика крем и втирал его в обоженную кожу. От этих растираний легче не становилась. Рядом с Игорем устроилась его молодая подружка Света. Она нервничала, боясь, что эти мужики из ФСБ спросят ее паспорт и поймут, что имеют дело с несовершеннолетней девчонкой. – Ночью, когда вор забрался в номер, вас ничто не потревожило? – спросил Миратов.

Девчонка хотела что-то пискнуть, но Куприянов больно толкнул ее локтем в бок. Мол, без сопливых разберемся.

– Я уже десять раз пересказал эту историю милиционерам. Они все записали. И что? Снова будем ту же пластинку крутить: шла баба с тестом, упала мягким местом...

На скулах Миратова заиграли желваки. Он хотел выдать крепкую тираду, но посмотрел на девушку и воздержался от выражений.

– Слышь, ты, умник чертов, – сказал Миратов. – Когда к тебе приходят из ФСБ, открывай хлеборезку и отвечай вежливо. У тебя паспорт сперли. Если завтра ксиву найдут рядом с криминальным трупом, твоя жизнь испортится, как прошлогодний арбуз. Я задержу тебя как подозреваемого в убийстве на десять суток. Посажу в камеру, где и ночью жара сорок, народу битком, а на соседней шконке спит сифилитик. Он заживо гниет и воняет крепче, чем навозная куча. В моем заведении ты быстро научишься хорошим манерам.

– Извините, – Куприянов отложил тюбик с крем. – Простите, пожалуйста. Я просто на солнце перегрелся. Сам не пойму, что со мной. Я ведь пострадавшая сторона. Этот вор или воры наказали меня на шестьсот баксов плюс рубли. И у соседей четыре сотни зеленых увели. – Ну, рассказывай.

– Преступники действовали тихо. Как говорить, на высоком профессиональном уровне. В темноте, когда в двух шагах от тебя спят люди, обчистить их до нитки... Это, знаете ли, высокое мастерство. Не каждому дано. А мне вот теперь сиди без денег. Перевод из Москвы придет только через два дня.

– Ну, не все так плохо, – вставил слово Колчин. – Можно сдать посуду. Два дня на этих запасах можно продержаться.

Он кивнул на батарею пустых бутылок, расставленных на подоконнике и на полу возле балконной двери.

– Вам все шуточки, – шмыгнул красным носом Куприянов. – А мне слезы.

Колчин показал листок с фотороботом потерпевшему. Куприянов долго разглядывал рисунок. Руки его дрожали. Куприянов изменил данному самому себе слову не пить портвейн местного производства. И сейчас, выслушав угрозы Миратова, живо представив себе сифилитика, гниющего заживо, почувствовал себя совсем худо.

– Что-то знакомое, – наморщил лоб Куприянов. – Где-то я его видел. Кажется, вчера. Точно, видел. Нет, не могу вспомнить. На ваших фотороботах все рожи одинаковые. Как блины у моей тещи. То есть, у бывшей тещи. Я состою в разводе.

Помянув тещу, Куприянов покосился на юную любовницу. Та, притихшая и робкая, сидела на диване, как школьная отличница на экзамене. Колени плотно сдвинуты, глаза внимательные, лицо напряженное. Колчин подумал, что девчонке нет восемнадцати, а сам пострадавший – редкостная сволочь, но сейчас углубляться в эти дебри не хотелось.

– Я уверен, что администрация этой забегаловки, – Куприянов обвел глазами номер, – в доле с ворами. А как же иначе? Среди ночи проникают в мое жилище. Берут деньги, паспорт и спокойно уходят. Ясно, они заодно.

Колчин и Миратов поднялись на ноги. Уже в дверях Колчин обернулся.

– Кстати, когда получите перевод, будьте осторожней, – напоследок сказал Колчин. – На ночь кладите кошелек под матрас. Или привязывайте к телу полотенцем. К ноге, например.

– Спасибо за умный совет, – ответил Куприянов. – А что с вашей рукой, она вся черная?
– Дверью прищемил.

Разговор со второй парочкой только отнял время. Человека похожего на Стерна, с татуировками на правой руке, любовники не видели. Окончательно Миратова и Колчина добил директор Деев. Он рысью обежал всех сотрудников санатория, от истопника до ученика повара, всем показал фоторобот. Но люди клянутся и божатся, что этого человека в глаза не видели. Деев протянул Колчину список бывших курортников, покинувших санаторий. Документ был отпечатан на машинке в двух экземплярах, заверен печатью и завизирован подписью Деева. – Буду рад помочь, – пообещал директор. – Напрасно отказались от шашлыка.

– Знаю, что напрасно, – сказал Колчин.

Обратной дорогой шли молча. Угрюмый Миратов плелся к машине, ссутулив широкую спину, выражая покорность злой судьбе. Колчина мучил голод, подмывало вернуться обратно и выставить Деева на шашлыки и вино. Водитель «Волги», оставленной на другой стороне оврага, за подвесным мостом, посигналил путникам фарами.

* * *

Махачкала. 25 июля.

В управление ФСБ приехали ночью, в это время суток Миратов оживал и, забывая про усталость, работал с охотой. С вокзалов и аэропорта затребовали списки пассажиров, отъезжавших или вылетавших из Дагестана за последние полутора суток. Сверили со списком отдыхающих, составленным директором Деевым. Из санатория съехало шесть человек: четыре женщины и два мужчины. Трое курортниц попали на борт самолета, вылетевшего вечерним рейсом из Махачкалы. Тут не было ничего удивительного. Однако тем же самолетом в столицу вылетел некто Игорь Павлович Куприянов, сорока двух лет, разведен и так далее.

Миратов потер ладони.

– Ну, вот он, свет на дне помойной ямы.

– Рано радоваться, – ответил Колчин. – Стерн уже в Москве. Там найти человека потруднее будет, чем в Махачкале.

Миратов откинулся на спинку кресла. Он принялся подкручивать усы.

– Надо вызвать ребят из аэропорта, что стояли вчера на паспортном контроле. Показать им фоторобот. Хотя и так понятно. Это он. М-да, хреновато все получается. Выходит, мы недооценили этого типа. Шустрый.

– Выходит так, – согласился Колчин. – В одном самолете со Стерном летели три женщины из «Огней Дагестана». Все москвички. Имена и фамилии у нас есть. В своей справке Деев указал возраст женщин, их паспортные данные. В Москве найду их без проблем. Сдается, что с одной из этих дам у Стерна что-то вроде романа. – Какой в этом смысл? Ну, присасываться к бабе, роман заводить? Лишняя обуза.

– Думаю, что Стерн использует женщину в своих целях. В аэропортах и на вокзалах менты почти не обращают внимания на супружеские пары. Особенно если эта парочка – славянского типа. Чаще всего проверяют одиноких мужчин и кавказцев. По приезде в Москву на квартире дамочки можно организовать лежбище, переждать трудные времена. Миратов стал изучать женские имена, напротив которых Колчин поставил галочку.

– Завьялова Зинаида Федоровна, тридцать один год. Пронина Анна Тихоновна, двадцать три года. Юдина Елена Ивановна тридцать шесть годиков.

Миратов задумался.

– Я бы на месте Стерна окучивал самую молодую, то есть Пронину. Совместил приятное с полезным. Наши действия?

– Когда ближайший рейс до Москвы?

– Утром.

– Тогда действия такие. Сейчас ложимся спать, здесь, в управлении. А утром проводишь меня на самолет.

Миратов поднялся, подошел к шкафу, достал раскладушку и два комплекта постельного белья. Колчин гость, значит, ему спать на мягком кожаном диване. А Миратову сейчас и раскладушка – что пуховая перина.

Глава шестая

Москва, Сокольники. 27 июля.

Утром Стерн лежал в кровати и притворялся спящим. Он дождался, когда Юдина наденет костюмчик, вставит в глаза контактные линзы и убежит на работу страховать чужое имущество. От одной только мысли, что нужно подняться и сказать Елене на прощание пару добрых слов, Стерна тошнило. Наконец, щелкнул замок, Стерн поднялся, обнаружив ключи на шестигранном дубовом столике в прихожей. Он вышел из квартиры в десятом часу утра, запер дверь на оба замка, по лестнице спустился вниз. Прошел вдоль дома, свернул в арку и поежился от ударившего в лицо ветра. Из парка Сокольники тянуло прохладой, нависшие над городом низкие тучи обещали скорый дождь. Среди прохожих, одетых в плащи и ветровки, Стерн в светлых брюках и безрукавке из вискозы, выглядел белой вороной. Сандали с матерчатым верхом, сработанные в артели «Трудовой резерв», и уже стоптанные на ступеньку, смотрелись просто жалко. Стерн дошагал до ближайшего магазина мужской одежды. Для начала купил недорогие часы с кожаным ремешком. Поднялся на второй этаж, побродив между прилавков и кронштейнов, остановил выбор на темных брюках, сером пиджаке, черной рубашке и полуботинках, недорогих, приличных на вид. Бросив старую одежду в примерочной кабинке, расплатился, пересчитал оставшиеся деньги. Он вышел из магазина и купил свежую газету. Через полчаса Стерн вынырнул из метро и затерялся в лабиринте арбатских переулков. Интернет – кафе, где вечерами молодые люди собирались выпить пива, сыграть в компьютерные игры и подклеить девчонок, в этот ранний час пустовало. По правую сторону находилась барная стойка и высокие одноногие табуреты, у противоположной стены стояли столы с компьютерами и несколько игровых автоматов. Стерн вошел в зал, вежливо поздоровался с молодым менеджером, коротавшим время за чтением утренней газеты.

– Мне надо срочно отправить электронную почту, – сказал Стерн. – Но, к сожалению, оставил записную книжку дома. Там мой пароль и имя пользователя. Можно обойтись без пароля?

– Нет проблем, – ответил менеджер. Молодой человек сел к компьютеру, запустил программу, подключился к Интернету. Затем место занял Стерн. Менеджер деликатно отвернулся, когда посетитель стал набивать адрес электронной почты получателя и текст сообщения. Послание оказалось предельно лаконичным: «Встреча сегодня. Место старое». Вместо подписи несколько цифр и латинских букв.

Стерн расплатился и вышел на улицу. Дул холодный северный ветер, накрапывал дождь. Попетляв по переулкам, Стерн поймал машину и назвал адрес. Водитель мрачно покачал головой: ехать далеко, на самую окраину Люблино, в гнилой трущобный райончик. Стерн, не поскупившись, заплатил вперед. Устроившись на заднем сидении, он меланхолично листал газету.

* * *

Москва, Люблино. 27 июля.

Стерн велел водителю остановиться возле продуктового магазина «Ветеран», вышел, долго блуждал между пятиэтажными домами, пока не догадался спросить дорогу у попавшийся навстречу старухи. Он прошел строительную площадку, пустую от рабочих и техники. Через десять минут остановился перед распахнутыми настежь воротами, над которыми висела покосившаяся на бок вывеска, выполненная желтой краской на куске жести: «Пункт приема вторичного сырья». Грязи на дворе, как на городской свалке, даже больше. Слева какие-то приземистые одноэтажные постройки с темными заляпанными грязью

окнами. Справа по всему периметру бетонного забора высились груды поломанных деревянных ящиков, почерневшие доски, пустые бочки, сетки, набитые истлевшими газетами. Стерн вошел в ворота, неторопливо зашагал в дальний конец двора. Стараясь не наступать в глубокие лужи, он благополучно добрался до крыльца, потянул на себя разбухшую от сырости дверь. В квадратной комнате за прилавком, уставившись в телевизор и положив ноги на ржавые напольные весы, сидел молодой кавказец, одетый в синий рабочий халат. На стене за его спиной висела табличка «прием стеклопосуды». При появлении гостя приемщик молча посмотрел на Стерна, видимо, ожидая каких-то объяснений.

– Мне нужен Тимур Ангуладзе, – Стерн оперся ладонями на прилавок.

– А ты кто такой? – спросил кавказец.

– Я от Зураба. За посылкой.

Человек выключил телек, проворно поднялся со стула. Улыбнувшись, поманил Стерна рукой.

– Пойдемте со мной, пожалуйста. Вот сюда.

Стерн прошел за прилавок, следуя за приемщиком, миновал коридор. Стал спускаться по вытертым каменным ступеням вниз. Здесь было так темно, что Стерн шел медленно, держась за перила, он боялся оступиться. Оказавшись в подвале, миновали крошечную подсобку, прошли в комнату со стенами, выложенными силикатным кирпичом.

– Подождите минутку, – приемщик убежал звать хозяина.

Сунул в рот сигарету, Стерн прикурил и стал разглядывать помещение. С потолка, украшенного разводами протечек и ржавыми пятнами, свешивается пыльная лампочка. Посередине комнаты кособокий стол с исцарапанной столешницей. Вдоль стен громоздились ящики с пустыми бутылками, тюки с какими-то тряпками, стянутые веревками пачки старых газет. Пахло крысиным дерьмом, гнилью и могильной сыростью.

Стерн успел неторопливо выкурить сигарету, когда появился Ангуладзе. Хозяин пункта вторсырья, степенный седовласый мужчина лет пятидесяти, был одет нарядно, даже торжественно, будто собрался на большое торжество. Дорогой темный костюм, светлая сорочка, галстук, на запястье часы на золотом браслете.

Ангуладзе, не протягивая Стерну руки, остановился возле двери, оглядел гостя с головы до ног. Его глаза оставались подозрительными, недоверчивыми.

– Я от Зураба, – повторил Стерн.

Ангуладзе глянул на приемщика, перевел взгляд на Стерна.

– Зураб должен был мне кое-то передать. На словах.

Стерн шагнул к хозяину, приблизив губы к его уху, пошептал несколько слов и цифр, пароль, без которого Ангуладзе не принимал гостей. Лед недоверия растаял.

– Хорошо.

Хозяин улыбнулся, протянул руку и крепко тряхнул ладонь Стерна.

– Тогда приступим. Руслан, принеси.

Приемщик кивнул головой, шмыгнув в дверь.

– Я не достал карабины СКС, которые просил Зураб, – сказал Ангуладзе. – Но есть кое-то не хуже, чем СКС. Ты останешься доволен.

Через пять минут явился приемщик. Руслан тащил большую спортивную сумку. Двумя руками поднял ее, поставил на стол. Расстегнув «молнию», стал выкладывать товар на столешницу. Четыре «ТТ», два «Браунинга Эйч Пи» девятого калибра, два пистолета чешского производства «ЧЗ – 85». К каждому пистолету по три уже снаряженные обоймы и две фабричных коробочки с патронами. Два десятизарядных карабина «Сайга» первой модели с нарезным стволом под патрон калибра семь шестьдесят два.

– Один к одному автомат Калашникова, – Ангуладзе провел пальцами по ствольной коробке карабина, выполненной из натурального дерева. – Только нельзя стрелять очередями. Прицельная дальность без оптики триста метров.

– Мне знакома эта модель, – сказал Стерн.

– Это я распорядился спилить и заполировать приклады, – сказал Ангуладзе. – Теперь карабины не такие длинные и свободно уместятся в спортивной сумке.

Он поднял карабин, направив ствол в сторону стены: правая рука легла на ложе, указательный палец на спусковой крючок. Левая ладонь снизу поддерживала ствольную коробку. Ангуладзе положил карабин на стол, к «ТТ» не притронулся пальцем, а стал вертеть в руках «Браунинг».

– Родной, бельгийский, – сказал хозяин. – Доставили контрабандой. Калибр девять миллиметров, в магазине тринадцать маслят. Стреляет самовзводом. А это «ЧЗ – 85». Ну, тут и говорить нечего. Легендарная модель. Девятый калибр. Удобно стрелять с левой руки, потому что флажки предохранителя с обеих сторон. Магазин на пятнадцать патронов.

– Да, эти хорошие, – согласился Стерн.

Ангуладзе положил пистолет на стол, пригладил ладонью седую благородную шеvellюру. Стерн взял «Браунинг», оттянул затвор, снял ствольную коробку. Вытащил и внимательно рассмотрел возвратную пружину. Затем изучил боек, вытащил обойму из рукоятки. Хозяин не врет, стволы новые, как говорится, муха не сидела. Стерн собрал пистолет и положил его на стол. – Отличные пушки, – подвел итог Ангуладзе. – Лучше в Москве не найдешь. – Пожалуй, мне это подойдет. Сколько за всю музыку? Ангуладзе назвал цену. Но тут же поднял палец кверху, словно хотел этим жестом предотвратить возможные возражения или торг.

– Дороговато? – Ангуладзе попытался заглянуть в глаза гостя. – Согласен, деньги немалые. Но цены на оружие в Москве всегда были высокими. Кроме того, я рискую своей задницей. А стволы того стоят. Это чистые, нигде не засвеченные пушки. Очень качественные. Чистые.

Последнее слово Ангуладзе произнес по слогам. Стерн, сохранявший каменное выражение лица, молча кивнул.

– Я вернусь вечером, с шести до семи, – сказал он. – Заплачу деньги и заберу товар.

– Добро. Жду до семи. Но завтра товар уйдет.

Ангуладзе протянул Стерну крепкую ладонь, скрепляя будущую сделку рукопожатием. Через пять минут Стерн вышел со двора, поймал такси и попросил водителя отвезти его на Цветной бульвар, к старому цирку. Свободного времени впереди много, надо себя чем-то занять.

* * *

Москва. Проспект Вернадского. 27 июля.

Павел Клименко просматривал электронную почту четыре раза в день, в строго установленном времени. Вот и сегодня он вышел из ванной комнаты, глянул на настенные часы и как был, в одних трусах, сел к портативному компьютеру. Ровно полдень, значит, пора немного поработать. В ящике электронной почты уже накопилось какие-то объявления и прочая чепуха. Но среди рекламного мусора попало то самое сообщение, которого Павел ждал: «Встреча сегодня. Место старое». Далее следовала комбинация цифр, заменяющая отправителю личную подпись. Пять лет назад Клименко окончил строительный институт, но по специальности не проработал и недели. Через доброго приятеля нашел себе более прибыльное и менее хлопотное занятие, чем глотать на стройплощадке цементную пыль и гонять работяг. Клименко представлял в Москве интересы некоего Зураба, кавказца, очень

богатого влиятельного человека, который платил большие деньги за пустяковые услуги. Павел выполнял разовые поручения, которые получал от своего работодателя по электронной почте, по телефону или через знакомых. Он перевозил с места на место чемоданы и портфели, на свое имя снимал квартиры для каких-то приезжих, людей сомнительной наружности, с которыми даже не был знаком. Получал у проводников поездов дальнего следования коробки и пакеты, чтобы потом поместить эти вещи в вокзальные камеры хранения или абонированные банковские ячейки. Зимой наступало затишье, хозяин мог неделями не трогать Клименко, но лето – страдная пора, только успевай поворачиваться. Зураб использовал Клименко втемную, Павел не знал имен людей, на которых работает, не интересовался содержанием посылок, которые принимал и отправлял. Он лишь делал то, что скажут, и был доволен жизнью. Зримым осязаемым результатом сотрудничества с Зурабом стала квартира в новом доме, обстановка по первому разряду, приличная тачка и другие бытовые удобства, которые инженеру строителю и во сне не приснятся. Сегодня предстояло проверить одно такое дельце. Ничего из ряда вон выходящего. Забрать портфель, хранящийся в сейфе Вадима Ярошевского, хозяина казино «Бригантина». Затем поехать в одну неприметную забегаловку, что-то вроде пивняка или закускойной, и передать портфель в руки человека, отправившего письмо по электронной почте. Клименко снял трубку телефона, набрал номер хозяина казино.

– Вадим Сергеевич, – пропел Клименко в трубку. – Мне срочно нужно забрать у вас свой портфельчик. Можно я сейчас подъеду?

– А позже нельзя? – зевнул Ярошевский.

Хозяин «Бригантины» был мужем старшей сестры Клименко, и никогда не отказывал своему родственнику в просьбе поддержать в своем сейфе какие-то мелочи, чемоданы или пакеты. Но сегодня Ярошевский был не в духе, он заснул только под утро, в своем рабочем кабинете и к полудню еще не успел проснуться. – Мне надо срочно.

– Хрен с тобой, приезжай, – сказал Ярошевский. – Достал ты меня. Здесь, между прочим, приличное заведение, а не камера хранения Ярославского вокзала.

– Заранее благодарен, – Клименко положил трубку. Живой, легкий на подъем, он вернулся в ванную комнату, побрызгал одеколоном бритую наголо голову, помазал щеки лосьоном. Наскоро перекусив на кухне, заскочил в спальню. Подошел к измятой постели и чмокнул в щеку любовницу, смотревшую последний сон. Он надел джинсы, рубашку навыпуск и темно синюю куртку. Спустился во двор, сел за руль большого красного джипа, похожего на пожарную машину. Клименко считал казино надежным местом, там можно спокойно оставить самые ценные вещи и не бояться за их сохранность. Глубокий подвал «Бригантины», где хранилась наличность, пожалуй, выдержит прямое попадание авиабомбы. Внутри шведские сейфы и взвод вооруженных охранников. Клименко не мог знать, что деятельностью казино давно заинтересовалось следственное управление МВД. Ярошевского подозревали в отмывании грязных воровских денег, а также в том, что значительная часть доходов заведения поступает в общак, который контролируют лаврушники, кавказские авторитеты и воры в законе, окопавшиеся в Москве. Сыщики установили за «Бригантиной» наружное наблюдение. Угрозами и шантажом склонили к сотрудничеству заместителя начальника службы безопасности казино. И уже третий месяц прослушивали разговоры, которые вел Ярошевский в своем рабочем кабинете. Клименко, бритый наголо, молодой человек, передвигавшийся по Москве на красном джипе, попал на мушку милиции случайно. Он заезжал в казино два-три раза в месяц. Но в игорный зал не ходил, ставок не делал и в ресторане не ужинал. Коротко переговорив с Ярошевским, оставлял у директора какие-то свертки или портфели. Клименко не проходил по милицейской картотеке, не имел судимостей и даже приводов. Родился на Украине, высшее образование получил в Москве, не женат, наркотой и алкоголем не злоупотребляет. Именно такой чистенький фраерок без единого темного пятнышка

в биографии идеально подходил на роль курьера. Что находилось в тех портфелях, милиционерам оставалось только гадать. Сотрудники МВД сошлись на самой простой и правдоподобной версии: Клименко – частями доставляет наличные, отстиранные в казино, по назначению, кавказской братве. Сегодняшний телефонный звонок из квартиры Клименко в «Бригантину» милиционеры засекли, несколько раз прокрутив запись, решили прояснить вопрос с загадочным «портфельчиком», о котором помянул в разговоре Клименко. После коротких переговоров с руководством оперативники получили «добро» на его задержание. Предстояло выяснить, что же находится в чемодане, провести обыск на квартире подозреваемого, а заодно уж на квартире подруги. Преступники часто хранят у своих девок такие вещи, которые опасно держать в своем, в собственном доме. Пасти Клименко, день за днем отслеживать его контакты, слушать телефон, – работа трудоемкая, дорогостоящая и мало перспективная. Можно действовать по-другому, наскоком. Если обыски пройдут удачно, нужно будет подобрать этому хмырю «долгоиграющую» статью УК и предъявить обвинение. А там уж Клименко, испуганный и подавленный грозящим ему лагерным сроком, бессонной ночью в одиночном боксе, согласится на сотрудничество со следствием. А куда ему деваться, когда приперли? Этот жук сдаст все контакты. И запоет полным насыщенным голосом, как солист украинского народного хора имени Григория Веревки. ... Через полчаса красный джип остановился у заднего крыльца казино «Бригантина». Клименко вышел из машины, встал под козырьком служебного входа и долго давил пальцем на кнопку звонка. Наконец, что-то щелкнуло, дверь приоткрылась, заскрипела пружина. Охранник впустил посетителя и проводил до директорского кабинета на втором этаже. Ярошевский сидел за большим письменным столом и скучал. Для любого обывателя понедельник – день тяжелый, а для владельца казино тяжелый вдвойне. От знакомого чиновника Ярошевский узнал неприятную новость: со дня на день в «Бригантину» должны нагрянуть поверяльщики из налоговой инспекции. Значит, и в перспективе ничего хорошего не жди. Ярошевский, положив руки на стол, механически выстукивал пальцами ритмы похоронного марша. И разглядывал висящую на противоположной стене старинную картину работы неизвестного мастера в помпезной золоченой раме. На полотне нарисовано бушующее штормовое море и одинокий утлый парусник на горизонте, готовый, кажется, сдаться под натиском безжалостной стихии. От долгого созерцания картины, настроение Ярошевского окончательно испортилось. В голову полезли грустные мысли о бренности жизни, нелепые сравнения человека с гибнущем в море кораблем. Переступив порог кабинета, Клименко пожал руку своего родственника и рухнул в кресло. Свободное время еще оставалось, Клименко хотел выпить что-нибудь холодненького и поговорить за жизнь. Но хозяин игорного заведения, сразу видно, был не в настроении. Стальной кейс, отделанный натуральной кожей и снабженный номерными наборными замками, уже подняли из хранилища и поставили на стол Ярошевского.

– Может, пивка рванем? – предложил Клименко. На языке вертелась история об одной женщине, жене общего друга, дипломата. История настолько пикантная, даже похабная, что Клименко не терпелось ее рассказать в лицах.

– Знаешь, что тут вчера было? – спросил хозяин, когда Клименко попытался заговорить на посторонние темы. – Тошно рассказывать. Один хмырь, приезжий, просрал большие бабки в двадцать одно. И вдруг ни с того, ни с сего решил, что крупье мухлюет. Передергивает на сдаче. И началось... Он стал требовать назад проигрыш, вызвал по сотовому знакомых парней из какой-то уличной банды. Шум, вопли, мордобой. Одних только стульев с десяток поломали. Чуть до перестрелки не дошло.

– И где сейчас тот тип, ну, который скандал устроил? И его друзья?

– Где же им быть? – грустно вздохнул Ярошевский. – В Склифе. Раны зализывают.

– Ну, вот, видишь... Все обошлось. А пиво сейчас...

– Некогда мне пиво пить и анекдоты травить.

Ярошевский выразительно поморщился, похлопал ладонью по чемоданчику.

– Забирай и топай. После вчерашнего у меня башка, как тот шкаф. Всю ночь не спал.

– Привет сестре.

Клименко взял чемодан, ругнулся про себя, но вслух поблагодарил родственника. Спустился к машине, положив чемодан на переднее пассажирское место, поехал в кафе «Ветерок» на встречу со Стерном.

* * *

Москва, Цветной бульвар. 27 июля.

Очутившись на бульваре, Стерн прошелся взад-вперед. Взял в ларьке сосиску в тесте и, сидя на скамейке, съел ее. Затем отклонил предложение одной блондиночки повеселиться у нее на квартире. Блондинка была похожа на грязного уличного пуделя, и такое сомнительное веселье должно непременно закончиться в кабинете врача венеролога.

Минуты ожидания тянулись томительно долго. Время было неурочное, слишком раннее, но по бульвару уже фланировали одинокие шлюхи, съехавшиеся на заработок из пригорода. Женщины как бы невзначай посматривали на одинокого мужчину, про себя взвешивали финансовые возможности клиента, и шли своей дорогой. Стерн отворачивался. Казалось, стоит лишь внимательно посмотреть на этих шлюх, даже не дотронуться до них, а только увидеть, – и уже наматываешь триппер. Когда надоело торчать на бульваре, он вошел в касовый зал кинотеатра «Мир» и, не посмотрев на афишу, взял билет. В фойе купил пакетик орешков, шоколадный батончик и бутылку сладкой воды. Стерн появился в проходе между кресел, когда фильм уже запустили, титры закончились, поэтому он так и не узнал, как называется картина. В огромном полукруглом зале, напоминающим планетарий, зрителей собралось немного, от силы, два десятка человек. Стерн комфортно устроился в последнем ряду, он полулежал в кресле, закинув ногу на ногу. Первые четверть часа старался вникнуть в смысл событий, происходящих на экране. Показывали тесную кухню, за столом сидела неряшливая женщина в халате с засаленными волосами. Перед ней, опустив голову, на вытяжку стоял худой сутулый мужчина.

– Ты искалечил мою жизнь, – веско заявила женщина. – И ты пожалеешь об этом.

Стерн заскучал, решив, что все дальнейшее действие фильма будет развиваться на кухне или в интерьере современной квартиры. Но тут показали улицу. Та же неряшливая женщина куда-то спешила, лавируя между потоками пешеходов. Под полкой плаща она сжимала рукоятку пистолета. В следующие четверть часа женщина так никого и не пристрелила, а вернулась на кухню и стала в тех же выражениях выяснять отношения с провинившимся мужем. Стерн бросал в рот орешки, кусал батончик, запивая это дело сладкой водой. Он строил планы на ближайшее будущее и старался разобраться в своих проблемах.

Типовая двухкомнатная квартира Елены Юдиной понравилась Стерну. Милое гнездышко с двуспальной кроватью, добротной мебелью под старину, окна выходят на тихую улицу, а до метро «Сокольники» всего десять минут пешком. Велик соблазн затаиться здесь, отдохнуть, выждать неделю, и только тогда начинать действовать. Вероятность того, что похищение документов и денег у гражданина Куприянова каким-то образом свяжут со Стерном, очень мала, даже призрачна. Этот Куприянов не министр республиканского значения, не какая-то там шишка. Просто служащий, менеджер, серый человек, каких в Москве неводом не переловишь. Ясно, дагестанские менты никого искать не станут. Если и примут от Куприянова заявление о краже, то положат эту бумагу в дальний ящик шкафа, где ее сожрут голодные мыши. Другой вопрос, если кражей заинтересуется ФСБ. Там работают, разумеется, не высоколбые интеллектуалы, но глупо считать своих противников за полных дураков. Они могли установить, что Стерн вылетел по подложным документам в Москву.

Существует также шанс, что контрразведчики заинтересуются Юдиной. Во время авиаперелета или в аэропорту кто-то из пассажиров мог запомнить, что Юдина и Стерн были вместе. Это мизерный совершенно ничтожный шанс. Но и его нельзя сбрасывать со счетов... Если чекисты все же доберутся до Юдиной, их ждет разочарование. Стерна уже и след простыл. А женщина ничего о нем толком не знает, не может сообщить никакой мало-мальски ценной информации. Ну, познакомилась на курорте с мужчиной. Ну, пригласила его к себе на московскую квартиру. А потом он уехал, пообещав вернуться через месяц. Вот и все. Поэтому Юдина совершенно не опасна. Свидетель из нее никакой.

Чтобы выйти на Юдину чекистам потребуется не менее двух-трех дней. Значит, фора во времени у Стерна еще остается. Можно чувствовать себя в безопасности как минимум сутки. Затем придется менять адрес, уезжать из Москвы. Сегодня Стерн получит от доверенного лица Зураба пятьдесят тысяч баксов, на расходы. Потом вернется в пункт приема вторсырья, заплатит за оружие и заберет его с собой. Завтрашним утром сложит монетки в сумку, поцелует Юдину в щеку и расстанется с ней. Скажет, что дозвонился на работу, подвернулась срочная командировка, от которой нельзя отказаться. Стерн дожевал орешки, бросил под кресло пустой пакетик и бутылку. Встал и вышел из кинозала, не досмотрев фильм и до середины.

Ровно в три часа дня он зашел в кафе – стекляшку «Ветерок», сел лицом к входной двери и спиной к служебному выходу, заранее наметив путь к отступлению на непредвиденный экстренный случай. Он разложил на столе газету и сделал заказ. Через четверть часа официант поставил перед посетителем порцию мясного рагу с картофельным гарниром, кружку пива и сто пятьдесят водки. Стерн опрокинул в рот содержимое пластмассового стаканчика и начал неторопливо ковырять в тарелке ножом и вилкой. Ждать оставалось недолго.

* * *

Москва, Сухаревка. 27 июля.

«Ветерок» был выбран для встречи не случайно. Кафе стояло на перекрестке двух переулков. Если сидеть лицом к двери, через застекленные с полу по потолка витрины открывался широкий обзор окрестностей. Служебная дверь вела в узкий коридор, проскочив который, можно очутиться в старых проходных дворах. В их лабиринте легко затеряться. Когда в конце переулка показался приметный издали красный джип, Стерн и бровью не повел. Отхлебнул пива, перевернул газетный лист. Казалось, он слишком увлечен чтением, чтобы смотреть по сторонам. Джип остановился в ста метрах от кафе только потому, что все ближние места для парковки были забиты еще с раннего утра. Впритирку с джипом встал серенький «жигуленок» с помятым крылом. Клименко вылез из машины, наклонился, достал с пассажирского сидения кейс. Захлопнул дверцу и нажал кнопку брелка. Стерн, видевший физиономию Клименко только на фотографиях, узнал молодого человека с первого взгляда. В эту секунду сзади джипа встала «Волга» с затемненными стеклами. Скрипнули тормоза.

Дальнейшие события развивались в полной тишине. И так стремительно, что пара прохожих, ставших невольными свидетелями инцидента, не сразу поняли, что, собственно, происходит. Клименко крутанул брелок на пальце свободной руки, опустил его в карман брюк и шагнул с проезжей части на тротуар. Тут из «Волги» и «Жигулей» вывалились четыре мужчины в цивильных костюмах. Тот, что самый здоровой, повис на спине Клименко, согнув локоть правой руки под его подбородком, выполнил удушающий захват. Клименко был так растерян и напуган, что не догадался выпустить ручку кейса, бросить чемодан на асфальт. Два других оперативника, подскочив спереди, выкрутили руки молодого человека. Выхватили «дипломат», сковали запястья браслетами наручников. Четвертый мужчина распахнул

заднюю дверцу «Волги» и стал давить на голову Клименко ладонями, заталкивая его в салон. Все закончилось через полминуты. Пешеходы отправились по своим делам, решив, что уличное происшествие выеденного яйца не стоит: собутыльники запихнули в машину перепившего товарища. «Волга» и «Жигули» сорвались с места и умчались неизвестно куда. Двумя пальцами Стерн вытянул бумажную салфетку из стаканчика, вытер губы. Он свернул газету трубочкой, сунул ее во внутренний карман пиджака. Подозвал официанта и расплатился за обед. Стерн вышел из кафе не через служебную дверь, а через парадное крыльцо. Завернул за угол и только тогда прибавил шаг.

Через сорок минут он добрался до квартиры Юдиной. Открыл дверь, вошел в кухню, долго пил воду из крана и все не мог утолить жажду. Потом скинул промокший пиджак и, не снимая ботинок, повалился на кровать. Стерн разглядывал потолок и слушал, как подоконник царапают редкие дождевые капли, на стене тикают часы в деревянном корпусе. Конечно, со временем причина задержания Клименко прояснится. Но пока смысл событий был недоступен пониманию Стерна. Он долго лежал на кровати, закинув руки за голову и обхватив ладонями затылок. Наконец, посмотрел на часы: бежит время. Если ехать в Люблино, то прямо сейчас, не откладывая это дело ни на минуту. Иначе он опоздает. Стерн встал, надел пиджак и вышел из квартиры, заперев дверь на оба замка.

Глава седьмая

Москва, Люблино. 27 июля.

У ворот пункта приема вторсырья Стерн оказался без четверти семь, когда рабочий день закончился. Дождь разошелся не на шутку, в серых низких тучах не было видно ни единого просвета. Вдалеке слышался шум работающего экскаватора, гудели двигатели грузовиков, на стройке зажги прожекторы, будто на дворе не ранний вечер, а глубокая ночь. Стерн подумал, что скоро, через месяц-другой, пункт приема вторсырья сотрут с лица земли, очистив площадку под строительство нового дома. Балансируя на мокрых досках, перепрыгивая черные лужи, Стерн пробрался через утонувший в грязи двор. Перевел дух. Поднялся на порог, распахнул дверь, за которой знакомый приемщик смотрел телевизор. Стерн вытер ноги о резиновый коврик. При появлении гостя Руслан выключил телек, встал со стула.

– Все в порядке? – спросил он.

– Разумеется, – Стерн стер ладонью с подбородка дождевые брызги. – Только вот ноги промочил.

Прошли за прилавок, по лестнице спустились в подвал. Из подсобки прошли в ту же комнату, где утром Стерну показывали стволы. Руслан сказал, что сейчас приведет хозяина, и ушел. Стерн, изучивший обстановку, еще раз внимательно осмотрелся по сторонам. В подвал ведут две двери. Одна дверь выходит на лестницу, по которой Стерн только что спустился вниз. Вторая дверь, обитая листовым железом, расположена точно напротив первой. Замок врезной, прибита табличка «склад». Куда ведет дверь, значения не имеет. Важно, что за ней может прятаться кто-то из людей Ангуладзе. Наверняка хозяин дал команду кому-то из своих парней подстраховать его во время сделки. Конечно, это всего лишь догадка, предположение, которое сейчас уже невозможно проверить. Но и со счета сбросить нельзя. Через пару минут вниз по ступенькам сбежал Ангуладзе. Все в том же темном стильном костюме и светлой сорочке. Пуговицы пиджака расстегнуты. Стерн решил, что свой пистолет Ангуладзе, скорее всего, держит не в подплечной кобуре, а под брючным ремнем. Так сподручнее выхватывать пушку в момент опасности. Рубль за сто, что ствол есть и у Руслана, под грязным рабочим халатом, застегнутым на три пуговицы.

– Под дождь попал, – пожаловался Стерн.

– Ох уж эти дожди, – покачал головой Ангуладзе. – Совсем залили.

Благородное лицо хозяина светилось спокойствием и благодушием. Он проворчал еще что-то насчет никудышной московской погоды, которая портится в самое неподходящее время. Кивнул приемщику. Руслан, ожидавший знака, вытащил из-под груды сломанных ящиков черную сумку, поставил ее на стол.

Стерн подумал, что Ангуладзе кажется хладнокровным уравновешенным человеком. Если бы он играл в академическом театре, то получал первые роли не за взятки, а за талант. Страх и волнение выдает только левая щека, которая едва заметно, подергивается. – Деньги при себе? – с улыбкой спросил Ангуладзе.

Вместо ответа Стерн похлопал себя по карману пиджака, оттопыренному газетой. Он шагнул к сумке, расстегнул «молнию» и сказал: – Я еще раз все пересчитаю. С вашего позволения. Минутное дело. Деньги против стволов.

Ангуладзе молча кивнул головой. Он стоял в пяти шагах от Стерна и покусывал нижнюю губу. Руслан встал по правую руку от хозяина и улыбался какой-то глупой счастливой улыбкой, будто вся выручка от продажи оружия осядет в его кармане.

* * *

Стерн никуда не торопился. Он выбрал позицию с тем расчетом, чтобы дверь с табличкой «склад» была точно за его спиной. Он запустил в сумку одну руку, делая вид, что перебирает и подсчитывает коробки с патронами.

– Один, два... Пять, шесть... Так-так.

Стерн запустил в сумку вторую руку, сунул снаряженную обойму в рукоятку «Браунинга», выключил предохранитель. Неожиданно он выхватил пистолет из сумки, передернул затвор, дослав патрон в патронник. Направил ствол в грудь Ангуладзе. Даже в свете тусклой лампочки было заметно, как хозяин побледнел. Он попятился назад, остановился. Приоткрыл рот, будто ему стало трудно дышать. Сделал еще один шаг назад, уперся спиной в штабель ящиков. Руслан не сдвинулся с места, только перестал улыбаться и опустил руки по швам. Видимо, этот малый туго соображал. – У меня возникла идея, – сказал Стерн. – Интересная идея. Пожалуй, я возьму эту партию со скидкой. Что ты думаешь по этому поводу?

– Я? – переспросил Ангуладзе. – Что думаю?

– Вот именно. Что ты думаешь?

– Бери, – ответил хозяин. – Берите. Так и знал, что этим кончится. Только напрасно ты связался...

– Подними лапки кверху, – сказал Стерн. – И не тявкай.

Убедившись, что руки подняты, он хотел отдать следующий приказ. Встать на колени, лицом к стене. И тут услышал за спиной скрип ржавых петель. Стерн, стоя лицом к Ангуладзе, не мог видеть, что происходит сзади. Он знал одно: у него в запасе нет той единственной лишней секунды, чтобы обернуться и произвести прицельный выстрел в человека, прятавшегося за дверью. Стерн приподнял локоть левой свободной руки. Правую руку завел за спину, оставив пространство для вылета стреляных гильз. И трижды нажал на спусковой крючок, пальнув из-за спины. Стерн повернул голову, скосил глаза назад. Бородатый мужик славянской наружности, появившийся из-за двери, выронил уже готовый к стрельбе пистолет. По серой рубашке на уровне живота расплывалось небольшое темное пятно. Значит, из трех выпущенных пуль только одна достигла цели. Не самый плохой результат, когда стреляешь на звук, вслепую. Стерн повернулся к бородачу в пол-оборота, не стал вскидывать пистолет, даже не посмотрел на свою пушку. Теперь Стерн видел только мишень. Прижав предплечье к корпусу, выстрелил два раза. Обе пули попали в грудь противника, сбили с ног, отбросили к стене. Стерн обернулся к Ангуладзе. За пару коротких секунд, хозяин успел запустить руку под пиджак, обхватить ладонью рукоятку своей пушки. Руслан же, оттолкнув хозяина в сторону, распахнул дверь на лестницу, выскочил из подвальной комнаты.

Стерн дважды выстрелил в живот Ангуладзе. Метнулся к двери. Руслан уже проскочил тесный предбанник. Стерн вскинул руку и выстрелил. Пуля достала Руслана, когда он находился уже посередине лестницы. Он почувствовал, как подломилась правая опорная нога. Ухватившись ладонями за перила, медленно опустился на одно колено, затем на другое. Горячая, как кипяток, кровь пропитала штанину. Хотя бедренная артерия и кость не были задета пулей, кровь из ноги лилась, как из крана. Стерн, не целясь, выстрелил в спину Руслана. Приемщик стеклотары разжал ладони, застонал. Стал заваливаться спиной назад. Наконец, кубарем покатился вниз по ступенькам, считая головой ступеньки. Отступив от двери, Стерн шагнул к Ангуладзе. Хозяин лавочки лежал на боку. Обхватив живот руками, он не шевелился. Стерн подошвой ботинка дважды толкнул Ангуладце в плечо, перевернул его на спину. Ангуладзе медленно умирал. Он дышал неровно, из груди выходили сдавленные хрипы, а изо рта сочилась розовая слюна, будто хозяин объелся за ужином ягодным пломбиром. И теперь мороженое горлом лезет обратно. Глаза Ангуладзе выкатились из орбит и

налились кровью. Стерн наклонился, обыскал карманы хозяина заведения, вытащил бумажник. Развернул его, сосчитал наличность: девять с половиной сотен зелеными. Лишними эти деньги не будут. Стерн опустил руку и дважды выстрелил в голову Ангуладзе. В замкнутом тесном помещении подвали пистолетные выстрелы звучали неестественно громко, как артиллеристская канонада. Даже уши закладывало от этого грохота. Стерн обогнул стол, подошел к задней двери с табличкой «склад». Человек с пегой забрызганной кровью бородой лежал на спине, живой и в сознании. На рубашке медленно расплывались кровавые пятна. Человек молча, без стонов и всхлипов, следил за своим убийцей, его бесцветные глаза сочились слезами боли.

– Чуть было про тебя не забыл, – сказал Стерн. – Вот же память.

Стерн подумал, что бородач, появившись из-за двери, допустил важную ошибку. На секунду промедлил с выстрелом. Это его и погубило. А замешкался он только потому, что Стерн выбрал удачное место: встал на одной линии с Ангуладзе. Бородач боялся, что выпущенная им пуля заденет хозяина. Он хотел, прицелиться и пальнуть наверняка, в яблочко, в затылок Стерна.

– Господи, – сказал мужчина слабым голосом. – Спаси, господи.

Стерн опустил ствол вниз, добил бородача двумя выстрелами в лоб. По подвалу плавал серый дым, от запаха горелого пороха чесался нос. Стерн сунул пистолет под ремень, нашел в углу пыльный джутовый мешок. Пистолеты и патроны остались лежать на дне сумки, сверху Стерн сунул завернутые в мешковину карабины. Застегнул «молнию», повесил на плечо ремень сумки, вышел за порог и натолкнулся на валявшегося под лестницей Руслана. Парень был жив. Он лежал спиной на бетонном полу, голова внизу, согнутые в коленях ноги на ступеньках. Стерн вытащил из-за пояса пистолет, посмотрел в лицо Руслана. Парень что-то говорил, но говорил так тихо, что слов нельзя было разобрать. Воздуха ему не хватало, из груди вырывался тихий свист и шипение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.